

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

НАЧАЛО И УСПѢХЪ МОСКОВСКОЙ ВОЙНЫ,

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ЕГО КОРОЛЕВСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА СИГИСМУНДА
III, ПОДЪ ГЛАВНЫМЪ НАЧАЛЬСТВОМЪ ЕГО МИЛОСТИ ПАВА СТАВИ-
СЛАВА ЖОЛКѢВСКАГО, КІЕВСКАГО ВОЕВОДЫ, ГЕТМАНА ПОЛЕВАГО
КОРОННАГО.

=

РУКОПИСЬ XVII ВѢКА*.

=

Знатный между историками писатель Филиппъ Коминъ, описывая по-Французски дѣла Французскаго короля, Людовика XI, и сына его, Карла VIII, особенно приготовленія послѣдняго къ войнѣ противъ Неаполитанскаго коро-

* Этотъ переводъ, вмѣстѣ съ Польскимъ подлинникомъ, получили мы отъ Г. Миткѣвича, находящагося теперь въ Варшавѣ. Почтенный переводчикъ, который отыскалъ тамъ эту любопытную и важную и для нашей Исторіи рукопись, полагаетъ, что она сочинена кѣмъ-нибудь изъ приверженныхъ гетмана Жолкѣвскаго, и очевидно подъ его влияніемъ. Мы не имѣемъ подъ рукою сочиненій Парушевича, и не можемъ привести здѣсь словъ этого историка, но знаемъ, что въ одномъ мѣстѣ онъ упоминаетъ, о рукописи, которая здѣсь напечатана, и говорить положительно, что видѣлъ ея подлинникъ, писанный собственною рукою Жолкѣвскаго. Нельзя сомнѣваться, что это — твореніе самаго гетмана. Онъ говоритъ о себѣ отъ третьяго лица въ подражаніе «Комментаріямъ» Цезаря. Мы должны повторить и объ этихъ запискахъ то, что уже нѣсколько разъ говорилъ о другихъ подобныхъ: отъ иностранцевъ, писавшихъ о Россіи тогдашняго времени, нельзя и требовать полной справедливости въ замѣчаніяхъ, ни строгой вѣрности взгляда на характеръ нашего народа. Хотя записки знаменитаго гетмана вообще составлены въ благородномъ тонѣ и довольно безпристрасно, однако въ нихъ встрѣчаются мѣста и выраженія, которые не должны удивлять никого со стороны непріятеля. Несмотря на то, историческое ихъ достоинство все-таки остается для насъ чрезвычайно важнымъ. *Б. для Ч.*

Т. X. — Отд. III.

1

левства, негодуешь на какого-то Бриссонета, человека низкаго и легкомысленнаго, который внушеніями своими побуждалъ короля къ этому походу. Коминъ поставляетъ Бриссонета въ примѣръ того, какъ часто люди малые, подлые, ничтожные могутъ сдѣлать много зла, потому что эта война сначала шла успешно для Французскаго короля, но конецъ ея былъ несчастный, гибельный, ознаменованный великимъ пролитіемъ крови, разрушеніемъ городовъ и опустошеніемъ провинцій. Точно такимъ образомъ и война Московская, повлекшая за собою столь обильное пролитіе крови и столько бѣдствій, изъ которыхъ однѣ уже совершились, другія еще не кончились, началась отъ человека подобнаго Бриссонету, пана Юрія Мнишка, Сандомирскаго воеводы, который, изъ честолюбія и алчности, взялся покровительствовать Московитянина Гришку, сына Отрепьева, ложно называвшагося Московскимъ Царевичемъ Дмитріемъ Ивановичемъ, и вести его на Московское царство. Посредствомъ ласкательствъ и низостей, которыми только жилъ, и при содѣйствіи родственника своего, ксендза Бернгардта Мацѣевскаго, Краковскаго епископа и кардинала, имѣвшаго въ то время у короля большую силу, онъ довелъ дѣла до того, что его величество сталъ благопріятствовать ему въ этомъ предпріятіи уже не тайно и какъ-будто смотря сквозь пальцы, а вопреки мнѣнію многихъ первѣйшихъ сенаторовъ, которымъ оно очень не нравилось. Дознано было несомнѣннымъ образомъ, и самъ панъ Сандомирскій воевода зналъ, что этотъ плутъ не Дмитрій; однако, ослѣпленный корыстью и высокомеріемъ, онъ упорно поддерживалъ предпріятіе. Это происходило въ исходъ осени 1604 года. Частію подарками, а болѣе обещаніями и обольщеніями, онъ собралъ значительное число людей, и держалъ ихъ довольно долго около Львова, угнетая и разоряя тѣмъ убогихъ обывателей; потомъ пошелъ съ ними на Кіевъ, въ Сѣверскую Землю.

Положеніе Московскаго государства въ то время было таково. На престолѣ находился Борисъ Фѣдоровичъ Годуновъ. Этотъ человекъ происходилъ не отъ царственной крови и не отъ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій, которая въ этомъ государствѣ имѣютъ свои преимущества и тщательно ихъ сохраняютъ; но онъ былъ и не подлаго племени, по-

тому, что его родная сестра, за свою особенную красоту, было супругою Феодора, сына Царя Иоанна,—что много способствовало Борису ко вступленію на престоль. Но всего больше способствовала ему въ этомъ его смѣтливость, которая in omni actione regum humanaum, во всемъ касающемся до управленія дѣлами человѣческими, была великая, удивительная. Онъ-то извелъ со свѣта и Царя Иоанна, подговоривъ доктора Англичанина, который лечилъ Царя, такъ какъ дѣло состояло въ томъ, чтобъ опередить Иоанна и что если бы Борисъ не ускорилъ его смерти, самъ онъ и многія знатнѣйшія особы должны были положить головы на плаху. Для Царя Иоанна не было новостью умерщвлять людей, потому что подобнаго ему тирана и мучителя не существовало отъ начала міра. Когда по смерти отца вступилъ Феодоръ, человѣкъ кроткой души, который занимался только молитвами, не имѣлъ ни опытности, ни достаточно ума для правленія столь обширнымъ государствомъ, Борисъ черезъ сестру свою, супругу Царя, сдѣлался его конюшимъ и Владимірскимъ намѣстникомъ,—важнѣйшее мѣсто въ этомъ краю,—а потомъ былъ наименованъ *правителемъ* всего царства, то есть, губернаторомъ. Князя Мстиславскаго,—Никиту Ромаповича,—князя Ивана Петровича Шуйскаго, которыхъ отецъ Феодора, Царь Иоаннъ, видя недостатки своего сына, назначилъ ему опекунами, Борисъ удалилъ разными происками; на свою сторону склонилъ онъ одного только канцлера Щелкалова, человѣка мудраго, назначеннаго четвертымъ опекуномъ, и тогда именемъ Царя Феодора, своего шурина, правилъ по своей волѣ всѣмъ государствомъ, пролагая себѣ путь къ могуществу и престолу. И какъ прелатствіемъ къ тому могъ быть еще Царевичъ Дмитрій, родившійся отъ Царя Иоанна и Маріи Нагой, то это девятилѣтнее дитя воспитывалось въ Угличѣ, и Борисъ, помощію великаго и хитраго злодѣянія, постарался, что бы оно тамъ погибло. Это событіе достопамятно, и я коротко упомяну, какъ оно было.

Было двое боярскихъ дѣтей: Никита Качаловъ и Данилка Битяговскій, кліенты Бориса, который тайно имъ объявилъ, что воля Государева, чтобы они ѣздили въ Угличъ и зарѣзали Царевича Дмитрія, потому что нѣкоторые неспокой-

ные люди бунтуютъ и хотятъ поднять за него въ государствѣ замѣшательства и войну: въ отвращеніе этого, надобно, говорилъ онъ, умертвить Димитрія. Эти боярскія дѣти, хотя и были душой преданы Борису, устрашились однако подобной мысли, такъ какъ царская кровь у нихъ въ высочайшемъ уваженіи. Тогда Борисъ имъ сказалъ: «Поведу васъ къ «Царю, и вы услышите это изъ собственныхъ его устъ,» — и ввелъ ихъ въ царскіе покои. Здѣсь онъ сталъ говорить Царю тихо что-то иное. Подобнымъ образомъ обманула нѣкогда Мессалина Цесаря Клавдія, своего супруга. Борисъ конечно не змалъ этого примѣра, потому что былъ безграмотный, но у него было довольно ума особенно на зло. Онъ приказалъ выйти всѣмъ изъ покоя, оставилъ только двухъ боярскихъ дѣтей, и громко обратился къ Царю Θεодору: «Не хотятъ мнѣ вѣрить, что я имъ приказалъ твоимъ «Царскимъ именемъ! Скажи имъ самъ, Государь, что на это «есть твоя воля.» Θεодоръ, заключая изъ этихъ словъ Бориса, что дѣло идетъ о томъ, что ему было тотчасъ сообщено; — на умерщвленіе же своего брата онъ никогда бы не далъ согласія и впоследствии весьма объ немъ сожалѣлъ, — сказалъ бывшимъ тутъ боярскимъ дѣтямъ: «Исполните, какъ приказалъ вамъ Борисъ.» Они отправились и исполнили; а Борисъ потомъ сказалъ Царю Θεодору, что Димитрій, въ припадкѣ падучей болѣзни, зарѣзалъ себя ножомъ, который былъ у него въ рукахъ, — и этотъ слухъ распространилъ онъ всюду. Однако умерщвленіе Димитрія произвело большое смятеніе: тогда же въ Угличѣ чернь убила обоихъ боярскихъ дѣтей, виновниковъ злодѣянія, и третьяго попечителя, находившагося при Царевичѣ; въ Москвѣ была также страшная суматоха, но Борисъ, умомъ своимъ, властію и царскими деньгами укротилъ ее, и водворилъ спокойствіе. Когда Борисъ имѣлъ въ рукахъ все нужное для завладѣнія престоломъ, и когда еще отравилъ шурина своего, Царя Θεодора, тутъ онъ, какъ-будто противъ своей воли, какъ-будто убѣжденный только просьбами людей, возложилъ на себя вѣнецъ Царскій. Многіе, особенно изъ знатныхъ, знали всѣ эти происки и беззаконія, но не могли противиться его могуществу, и если кто имѣлъ смѣлость оказать сопротивленіе, того онъ умерщвлялъ,

казнилъ. Домъ князей Шуйскихъ сильнѣйшій и благороднѣйшій въ этомъ государствѣ, дѣлалъ противъ него разныя попытки, но безуспѣшно; Борисъ, и при Царѣ Ѳеодорѣ, и потомъ самъ будучи уже на престолѣ, смѣлъ и придавилъ его: князя Ивана Петровича Шуйскаго, который защищалъ Псковъ противъ короля Стефана, онъ умертвилъ, а этотъ человекъ былъ знаменитѣйшій въ родѣ Шуйскихъ, и въ великомъ значеніи у всего Московскаго народа; князя Василія Шуйскаго, бывшаго впоследствии Царемъ, и роднаго брата его, князя Ивана, заключилъ въ темницу; князя Александра, роднаго брата послѣднихъ, убилъ, и тоже самое сдѣлалъ бы и съ прочими, но тѣмъ двумъ помогли родственныя его связи съ четвертымъ братомъ, княземъ Дмитріемъ Шуйскимъ, такъ какъ двѣ родныя сестры, изъ фамиліи Скуратовыхъ, были одна за Борисомъ, а другая за княземъ Дмитріемъ: она и теперь находится здѣсь съ своимъ мужемъ. Кромѣ фамиліи Шуйскихъ, много другихъ знатныхъ лицъ Борисъ предалъ смерти подъ разными предлогами, и за эти тиранства онъ былъ у многихъ въ ненависти, а за старость и слабое здоровье въ презрѣніи: онъ страдалъ водяною болѣзнію.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда пацъ Сандомирскій воевода прибылъ съ Гришкою, или, какъ Москва называетъ его, Разстригою; и какъ только появился съ нимъ на границѣ, Московская чернь, которая всегда привязана къ крови своихъ природныхъ Государей, начала къ нему приставать. Гришка съ своей стороны былъ довольно уменъ, краснорѣчивъ и смѣлъ; онъ умѣлъ поступать съ нею, притворяясь тѣмъ, чѣмъ никогда не былъ. Въ Московскомъ царствѣ дѣла начали запутываться. Черниговъ, пограничный замокъ, принялъ самозванца; но Новгородокъ, который защищалъ нѣкто Басманъ (Басмановъ), не покорился. Борисъ посылалъ туда вспомошествованіе съ княземъ Мстиславскимъ, и хотя этому войску не посчастливилось, однако Басмановъ отстоялъ свой городъ. Но Путивль, лучший замокъ въ Сѣверской Землѣ, взбунтовавшись противъ Бориса, поддался этому плуту. Въ разныхъ мѣстахъ было нѣсколько стычекъ, и самозванецъ былъ въ нихъ разбитъ и бѣжалъ въ Путивль. Между-тѣмъ, къ его счастью, здоровье Бориса

быстро разстроивалось; онъ выслалъ противъ него подъ начальствомъ князя Василя Шуйскаго сильное войско, дошедшее до Кромъ, (такъ называется замокъ въ Свверской Землѣ); но тамъ получено извѣстіе, что Борнсъ умеръ, и войско начало приходить въ замѣшательство. Князь Василій Шуйскій, собравъ всѣхъ, долго говорилъ имъ, доказывая и удостовѣряя обманъ Гришки. Въ то время былъ тамъ и Гришкинъ родной дядя, у котораго онъ, по смерти своего отца, воспитывался. Дядя подъ присягою утверждалъ, что оцъ собственными своими руками положилъ во гробъ тѣло Царевича Дмитрія. Шуйскій просилъ и уговаривалъ войско, чтобы оно не преклонялось на сторону обманщика, помнило присягу, данную покойному Борису, и соблюдо ее, оставаясь вѣрнымъ сыну его Феодору Борисовичу. Успокоивъ такимъ образомъ войско, князь Шуйскій поручилъ его князю Василю Голицыну и Басманову, который за оборону Новгородка былъ въ большемъ уваженіи, а самъ тотчасъ отправился въ Москву, для совѣщаній съ княземъ Мстиславскимъ, съ братомъ своимъ, княземъ Дмитріемъ, и съ другими боярами, находившимися въ столицѣ, касательно упроченія престола за Феодоромъ Борисовичемъ и прекращенія внутреннихъ беспорядковъ. Войско, оставшееся съ Голицынымъ, по собственной ли волѣ, или, какъ носитса молва, по наущенію самого Голицына, взбунтовалось. По смерти Бориса, непогасшая еще ненависть, за его тиранское правленіе, какъ вельможъ, такъ и простаго народа, обрушилась на его сына: Голицыпъ и Басмановъ тотчасъ отправились въ Путивль къ обманщику съ изъявленіемъ ему покорности отъ имени всего своего войска. Самозванецъ немедленно послалъ извѣстіе объ этомъ въ Москву, гдѣ при содѣйствіи какого-то Татищева, Феодоръ, сынъ Бориса, съ матерью своею, сдѣланы подданными, а плутъ провозглашенъ Государемъ; его съ большими почестями провожали изъ Путивля до Москвы, и, прибывъ въ эту столицу, онъ короновался. Все Московское государство изъявило ему покорность. Я не излагаю подробно всѣхъ этихъ обстоятельствъ, чтобы не продлить описанія.

Къ его величеству королю было два посольства, — одно отъ Бориса, о патздѣ пана Сацдомирскаго воеводы, а другое отъ samozванца, по вступленіи его на престолъ.

Здѣсь приходится разсказать одну Московскую тонкость, тѣмъ болѣе, что она уже известна многимъ. Самозванецъ отправлялъ къ его величеству королю гонца; князья Шуйскіе совѣтовали употребить для этого Ивана Безобразова, человека расторопнаго, съ которымъ они были въ тайномъ согласіи. Безобразовъ будто-бы отговаривался отъ посольства, представляя на то разныя причины; но князь Василій Шуйскій, въ присутствіи обманщика, разгнѣвался и выбранилъ его, а самозванца уверялъ, что для подобнаго порученія трудно найти кого - нибудь способнѣе Безобразова, и такимъ образомъ послѣдній принялъ на себя посольство, какъ-бы противъ воли. Нашедши его величество короля въ Краковѣ, Безобразовъ исполнилъ посольство отъ обманщика публично, обыкновеннымъ порядкомъ, принятымъ между королями; говорилъ, что Господь Богъ возвелъ его на престолъ предковъ; благодарилъ короля за его добрую волю и хорошее расположеніе, и предлагалъ съ своей стороны соседскую пріязнь; а тайно просилъ у пана Литовскаго канцлера особеннаго свиданія. Для избежанія подозрѣнія другихъ Московитянъ, которые были въ посольствѣ, его величество не согласился на то, чтобы панъ канцлеръ имѣлъ тайное свиданіе съ Безобразовымъ; но было рѣшено, чтобы послѣдній сообщалъ свои просьбы и другія порученія пану Ввляжскому старостѣ, Госѣвскому. Безобразовъ открылъ ему наединѣ врученіе, данное ему отъ Шуйскихъ и Голицына: они жаловались королю на то, что его величество сдѣлалъ у нихъ Царемъ человека столь низкаго происхожденія и столь легкомысленнаго; негодовали на его тиранство, распутство и расточительность; говорили, что этотъ плутъ никакъ недостойнъ своего званія, и что у нихъ уже думаютъ, какъ бы его уничтожить, желая лучше повести дѣло такъ, чтобы въ Москвѣ царствовалъ королевичъ Владиславъ. Такова было общее содержаніе рѣчей отъ имени бояръ.

Отвѣтъ, публично данный обманщику, заключался въ обыкновенныхъ выраженіяхъ, но, тайно, его величество король приказалъ Безобразову сказать боярамъ, что онъ сожалѣетъ о томъ, что такой человекъ, котораго полагалъ онъ истиннымъ Дмитріемъ, взошелъ на престолъ, и такъ

жестоко и непристойно съ ними поступаетъ; что его величество не препятствуетъ имъ обдумывать, какъ этому помочь; что удовольствіе царствовать ни сколько не обольщаетъ его величества, онъ желалъ бы такъ же, въ разсужденіи королевича Владислава, чтобы и сынъ его былъ столько же умѣренъ, но что впрочемъ онъ предоставляетъ это на волю Божию. Никто объ этомъ отвѣтъ не зналъ въ то время кромѣ пана Литовскаго канцлера, черезъ кого шло все дѣло.

Здѣсь не мѣшаетъ припомнить одно обстоятельство: въ это время прибылъ изъ Москвы одинъ Шведъ, который отъ имени Царицы Маріа, матери покойнаго Димитрія, объявилъ его величеству королю, что хотя она, для собственныхъ выгодъ, признала всенародно сыномъ обманщика, однако онъ не ея сынъ: у нея есть воспитанница изъ Ливоніи, дѣвица Розенъ, которая во время Ливонской войны взята была малымъ ребенкомъ, черезъ нее-то Царица сообщила объ этомъ Шведу для того, чтобы король все узналъ отъ него. Это случилось по той причинѣ, что обманщикъ разстрига, намѣревался тѣло сына Царицы, Димитрія, вынуть изъ гроба Углицкой церкви, гдѣ въ то время оно было погребено, и кости его, какъ подложнаго Димитрія, выбросить. Царицѣ, какъ истинной матери, было это скорбно: она разными способами предупредила намѣреніе, и костей не тронули изъ гроба, который впослѣдствіи, въ царствованіе Шуйскаго, перенесенъ въ столицу.

Панъ Сандомирскій воевода зналъ и объ этомъ объявленіи матери истиннаго Димитрія, но полагая, что царствованіе самозванца будетъ прочно, не хотѣлъ отстать отъ своихъ видовъ. Между тѣмъ трагедія разыгрывалась: пиры въ Краковѣ; великолѣпное путешествіе въ Москву въ колесницахъ, каретахъ съ ужасною свитою дѣвицъ и дамъ; потомъ, веселье копчилось; и тутъ же черезъ нѣсколько дней, убили обманщика: досталось и нашпмъ; не было даже пощады цѣломудрію женщинъ.

Всему этому причиною былъ князь Василій Шуйскій, при содѣйствіи братьевъ своихъ, Голицыныхъ и многихъ другихъ бояръ. Князь Мстиславскій ни объ чемъ не зналъ: они не смѣли ему ввѣряться. Тотъ же Василій Шуйскій,

съ помощію своихъ сообщниковъ, на третій день объявленъ Царемъ. Онъ задержалъ пословъ, которые пріѣхали отъ его величества короля въ Москву на свадьбу: пана Сандомирскаго воеводу съ дочерью отправилъ въ Ярославль, а прочихъ разослалъ въ темницы по другимъ замкамъ Московской земли. Послано также по всемъ провинціямъ Московскаго государства для отобранія присяги на вѣрность; но это насильственное, по-волчьему, вступленіе на престолъ многимъ не нравилось, что обыкновенно случается и бываетъ не безъ зависти, когда счастье вдругъ кого-нибудь возноситъ надъ теми, которые привыкли его видѣть себя равнымъ. Нѣкоторые хотѣли учредить вольное избраніе на престолъ, по-нашему, за что потомъ были наказаны Шуйскимъ: склонивъ на свою сторону мѣръ и стрѣльцовъ, онъ превозмогъ тѣхъ, которые это предлагали.

Несмотря на то что большая часть провинцій изъявила покорность и присягнула, нѣкоторые однако этого не исполнили, особливо въ Свѣрской Землѣ главный замокъ Путивль: по его примѣру и другіе не захотѣли ни присягнуть ни покориться имени Шуйскаго, и отъ такого къ нему нерасположенія распустили слухъ, будто самозванецъ бѣжалъ. Молву эту разглашалъ болѣе всѣхъ князь Григорій Шаховскій, человекъ извѣстный, знаменитаго рода: онъ, разными тонкими способами, при содѣйствіи духовенства, разсѣивалъ слухъ, что Дмитрій живъ. Шуйскій послалъ въ Свѣрскую Землю войско, но Свѣряне разбили его.

Долго было бы описывать о томъ, что дѣлалъ нѣкто Болотниковъ, человекъ низкій, который, набравъ именованъ Дмитрія многочисленное войско, явился подъ Москвою и весьма былъ тяжелъ для Шуйскаго. Много также можно бы написать о бывшихъ битвахъ, объ осадѣ и покоренія Тулы, Калуги и прочихъ замковъ. Бояре Московскіе, непріатели Шуйскаго, разсылали гонцевъ въ разныя мѣста, особливо въ Самборъ, спрашивая о Дмитріи. Въ то самое время появился въ Стародубъ другой обманщикъ, человекъ ни чѣмъ не замѣчательный, кромѣ того, что не похожій на перваго. Однако Свѣряне съ радостью къ нему пристали изъ ненависти къ Шуйскому; къ Свѣрянамъ присоединились Вязьмовскіе и Мѣховѣцкій, потомъ князь Романъ Рожинскій,

который прибытием своим усилить еще больше партію неваго обманщика, и разбивъ подъ Болзовымъ войско Шуйскаго, подступилъ къ Москвѣ. Замки и цѣлыя провинціи начали сдаваться новому самозванцу, и наконецъ до того дошло, что у Шуйскаго едва держались нѣсколько главныхъ замковъ.

Видя это, Шуйскій и находившіеся при немъ бояре встревожились: они искали средства отвлечь нашихъ людей отъ обманщика; пословъ его величества короля освободили; равно и папа Сандомирскаго воеводу, сдѣлавъ съ ними по своему произволу договоръ, на который Шуйскій принудилъ ихъ присягнуть. Панъ Сандомирскій воевода долженъ былъ дать клятвенное обещаніе не входить съ новымъ обманщикомъ ни въ какія сношенія. Такимъ-то образомъ они отправились въ дорогу, и если бы ея держались, были бы въ безопасности отъ войскъ обманщика; но панъ Сандомирскій воевода, вопреки недавно данной присяги, особенно его дочь, которой весьма желалось поцарствовать, неудовольствовались тѣмъ, что слышали отъ многихъ вѣрныхъ людей, что новый самозванецъ не тотъ самый, который былъ прежде и что онъ даже нѣсколько на него не похожъ: они не хотѣли вѣхать дорогою, которую приказали провожать ихъ Шуйскій; замедляли свое путешествіе, и между-тѣмъ тайно дажи знали въ войско обманщика, гдѣ ихъ можно перехватить. Такъ и случилось: отъ самозванца отправлены за ними, панъ Александръ Зборовскій съ паномъ Яномъ Стадницкимъ, которые, догнавъ ихъ, нѣсколько сотъ Московитякъ, посланныхъ въ конвой отъ Шуйскаго частью перебили, а частью разсѣли; а пана Сандомирскаго воеводу съ дочерью, съ королевскимъ посломъ, Малаговецкимъ, помогавшимъ Миньиху въ его предпріятіи, и со многими другими особами, привезли въ свой лагерь подъ Москву. Прочіе послы, главніе назначенною Шуйскимъ дорогою, прибыли благополучно до границы Велькаго Княжества Литовскаго.

Объ условіяхъ мира, на которыя Шуйскій заставилъ пословъ его королевскаго величества присягнуть, не упоминаю, потому что бумаги объ этомъ находятся въ канцеляріи (то есть, у канцлера). Скажу только, что во время переговоровъ Московскіе бояре, условливаясь съ королевскимъ по-

славы, заводили рѣчь, и именно говорилъ это родной братъ Василія Шуйскаго, князь Дмитрій, который впоследствии въ томъ не сознался, и даже увѣрялъ пана гетмана и пана канцлера, что никто не слыхалъ отъ него ничего подобнаго, — что они намѣрены повести дѣла такимъ образомъ, что Василій откажется добровольно отъ престола; если его величество король приметъ въ этомъ участіе и дастъ имъ на царство своего сына Владислава. Они рассчитывали, что этимъ средствомъ скорѣе можно прекратить кровопролитіе и успокоить Московское государство. Съ пути еще паны послы письменно доносили объ этомъ его королевскому величеству, а потомъ, вѣривавши, еще съ большею заботливостію, представляли королю о добромъ расположеніи къ нему Московскаго народа. Не одни послы, даже и частные люди, прибывшіе изъ Москвы, — панъ Андрей Стадницій и панъ Домарацкій, твердили то же, что передъ тѣмъ говорилъ Безобразовъ и что королевскіе послы по ихъ словамъ, слышали отъ бояръ: они также, черезъ сановниковъ, находящихся при королѣ, упрямивали и убѣждали, чтобы его величество не пропускалъ такого случая. Съ того времени въ головѣ короля начала бродить мысль объ этомъ дѣлѣ. Онъ собралъ совѣтъ изъ находившихся тогда при дворѣ сенаторовъ, и послалъ къ пану гетману короннаго референдарія, ксендза Фирлея, съ довѣрительнымъ письмомъ. Панъ гетманъ до того времени совершенно ничего не зналъ объ этомъ: онъ приготовлялся къ походу въ Украину, и уже было отправился изъ дому къ войску, какъ на дорогѣ, не довзжая до Збарожа, догналъ его ксендзъ референдарій. Вручивъ довѣрительное письмо, онъ подробно объяснилъ гетману о предпріятіи и объ вѣвѣстіяхъ, какія король вмѣстѣ о Московскомъ государствѣ, и тутъ же присовокупилъ, что паны сенаторы, находящіеся при королѣ, совѣтуютъ его величеству не пропускать столь удобнаго случая для приумноженія и его славы и владычій Речи Посполитой. Сверхъ того Фирлей настаивалъ, чтобы панъ гетманъ снесся съ паномъ Брацлавскимъ воеводою, Яковомъ Потоцкимъ, который недавно умеръ, а тогда былъ Каменщицкимъ старостою, и къ которому онъ также отдалъ довѣрительное письмо; чтобы вмѣстѣ съ нимъ онъ набиралъ людей въ службу и усердно помогалъ коро-

лю въ его предпріятіи. Ксендзь референдарій объяснял также, что если ожидать сейма, то дѣло протянется, а здѣсь главное въ томъ, чтобы не пропустить случая; и что поэтому король располагалъ тотчасъ двинуться къ Люблину, а потомъ на Кіевъ въ Сѣверскую Землю, такимъ образомъ, чтобы панъ гетманъ съ своимъ войскомъ присоединился къ его величеству въ Кіевъ.

Панъ гетманъ, которому этотъ походъ былъ предложенъ совсемъ неожиданно, и которому до того времени объ немъ даже не упоминали, отвѣчалъ черезъ ксендза референдарія, что онъ желалъ бы, чтобы дѣло подвергнуто было разсмотрѣнію сейма; однако жъ, если прочіе папы сенаторы согласны, и если отъ медленности можетъ произойти опасность, онъ, какъ слуга и какъ солдатъ, не станетъ противиться славному предпріятію его величества, и всеми силами будетъ стараться ему способствовать и готовить войско. Послѣ чего, гетманъ спросилъ: «Но это предпріятіе требуетъ издержекъ: есть ли деньги.» Фирлей отвѣчалъ, что король ожидалъ такого вопроса, и поэтому поручилъ сказать, что на нѣсколько сотъ тысячъ злотыхъ онъ можетъ собраться.

Съ такимъ рѣшеніемъ отправился ксендзь референдарій. Изъ всего этого ничего не было, потому что вскорѣ Краковскій епископъ, пріѣхавъ въ Краковъ, разуверилъ короля, и присовѣтовалъ его величеству предложить дѣла сужденію сейма.

Король, не переставая думать о своемъ предпріятіи, писалъ къ пану гетману письмо черезъ коморника, который засталъ его въ лагерь близъ Климентина: его величество увѣдомлялъ, что онъ свое намѣреніе откладываетъ, но не отменяетъ. Скоро потомъ онъ снова отправилъ къ пану гетману Витовскаго, и тотъ засталъ его уже въ Кіевѣ. Панъ Витовскій, съ которымъ Московскіе бояре говорили объ этомъ обстоятельстве, и котораго они увѣряли въ добромъ своемъ расположеніи къ королю, положительно сказалъ гетману, что дѣло отложено только до сейма, который уже назначенъ. Панъ гетманъ отпустилъ Витовскаго съ отвѣтомъ, что онъ, съ своей стороны, всегда готовъ служить королю въ его предпріятіи и республикѣ.

Между-тѣмъ начались сеймики (выборы), на которыхъ во всей Польшѣ одобрена предполагавшаяся на Москву экспедиція. Но на сеймѣ объ ней предположено только палатѣ сенаторовъ, и то въ тайномъ совѣщаніи: всѣ сенаторы, исключая трехъ или четырехъ, быти согласны, чтобы король не пропускалъ благопріятнаго случая. Въ палатѣ депутатовъ не было объ ней на предложенія, ни рѣчи, исключая того, что тихомолкомъ выхлопотали общую отсрочку по дѣламъ тяжбы для тѣхъ, кто частнымъ образомъ вступить въ службу къ королю.

Отъезжая изъ сейма, панъ гетманъ, какъ мнѣ извѣстно, на приватной аудіенціи спрашивалъ короля, — если его величество рѣшительно намѣренъ исполнить свое предпріятіе, то какіе имѣетъ онъ способы, отколь будутъ люди, и много ли ихъ; также, когда выступать, и какимъ путемъ? Прошедшаго года король предполагалъ итти на Сѣверскую Землю, и панъ гетманъ былъ того мнѣнія, что, для исполненія видовъ его величества, этотъ путь — самый лучшій, по той причинѣ, что ежели Смоленскъ, замокъ съ давнихъ временъ укрѣпленный, а теперь еще болѣе обстроенный Борисомъ, добровольно не сдастся, то онъ замедлитъ и затруднитъ короля; взятіе же Смоленска открытою силою потребуетъ великаго числа пѣхоты и орудій; напротивъ того, Сѣверскіе замки — деревянные: они если и не поддадутся добровольно, то должны будутъ уступить даже той силѣ, которую теперь имѣемъ. Его королевское величество отвѣчалъ пану гетману, что онъ и самъ еще не рѣшился, но что съ дороги или изъ Кракова, сейчасъ по прибытіи, увѣдомитъ его о своей волѣ какъ въ отношеніи предполагаемаго предпріятія, такъ и о прочихъ предметахъ; насчетъ избранія пути, говорилъ король, кажется надобно будетъ итти на Смоленскъ, потому что есть надежда, что онъ поддастся добровольно, даже и теперь сносится объ этомъ тайно панъ Вѣлжскій староста (Госвѣскій), которому, для занятія его поручено набрать нѣсколько сотъ человѣкъ пѣшихъ и конныхъ. Говорено было также пану Сапѣгѣ: когда онъ шелъ въ Москву мимо Смоленска, этотъ замокъ покорился бы еще въ то время, если бы Сапѣга требовалъ сдачи его на имя

короля, а не на самозванцево. Панъ гетманъ напомнилъ только его величеству, чтобы онъ приказалъ развѣдать съ точностью объ этомъ обстоятельствѣ, дабы впоследствии не было ошибки.

Изъ Варшавы его величество отправился въ Краковъ. Наступала весна, — удобное время для военныхъ дѣйствій. Панъ гетманъ прождалъ весь постъ обещаннаго отъ короля рѣшенія, заботясь о томъ, чтобы не пропустить времени, и чтобы черезъ это не посрамить себя впоследствии. Наконецъ, какъ-то передъ Свѣтлымъ праздникомъ, пріѣхалъ отъ короля къ пану гетману коморникъ съ письмомъ, въ которомъ заключалось извѣстіе, что его величество, рѣшившись исполнить свое предпріятіе. При письмѣ находилась роспись, какихъ и сколько людей должны набрать паны гетманы, Коронный и Литовскій: въ то время мысль короля была, чтобъ Литовскій гетманъ участвовалъ въ дѣлѣ; объявлено также было время выступленія его величества. Въ Краковѣ никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы изъ этого похода что нибудь вышло, такъ какъ кромѣ доброй воли самого короля, ни средствъ, ни усердія, которыхъ требуетъ такое предпріятіе, не было ни видно, ни слышно.

Панъ гетманъ, видя, что дѣло такъ медленно подвигается; что отъ Московскихъ бояръ нѣтъ ни какихъ новыхъ извѣстій, — сохранили ли они къ королю прежнее свое расположеніе; что солдатъ конныхъ не много и пѣхотныхъ слишкомъ мало, сталъ сомнѣваться въ успѣхѣ. Зная, что отъ предпріятія не возможно было отклонить короля, который и самъ бы радъ былъ отъ него отказаться, если бы не объявилъ объ немъ въ Римѣ и по всему свѣту, гетманъ послалъ къ его величеству пана Тарновскаго съ извѣщеніемъ, что, за лѣтами и разстроеннымъ здоровьемъ, онъ не можетъ лично прибыть: онъ представлялъ, что тамъ достаточно будетъ одного Литовскаго гетмана, особенно при томъ маломъ войскѣ; что одинъ главнокомандующій можетъ все сдѣлать, и что онъ, съ своей стороны, приложить стараніе, чтобы въ самоскорѣйшемъ времени отправить къ нему то число солдатъ, какое его величество желаетъ имѣть, лишь бы послѣдніе были доставлены для нихъ деньги, потому что

уже время выступать. Отговорокъ пана гетмана король не принималъ, желая чтобы онъ непременно служилъ въ этой экспедиціи, а деньги на его горсть людей обещалъ въ скорости прислать.

Послѣ такого рѣшенія короля, не возможно было гетману не взвать: если бы онъ не повхалъ, охотники къ военной службѣ не легко бы нашлись въ народѣ, и едва ли не отменилась бы вся экспедиція. Гетманъ видѣлъ, что неминуемо навлечетъ на себя великую немилость государя и клевету со стороны людей: сказали бы, что онъ по недоброжелательству помѣшалъ королю и республикѣ въ такомъ благопріятномъ случаѣ, — какъ тогда объ немъ думали, и что все, приспособленное къ умноженію славы и владычій Речи Посполитой, черезъ него потеряно. Такимъ образомъ пегодованіе упало бы на него одного. Зная, что надлежащія приготовления не сдѣланы, и даже не надѣясь ихъ увидѣть; уже какъ по этимъ причинамъ, такъ и по многимъ другимъ уваженіямъ не ожидая желаемого успѣха, и видя, что надобно отдаться на милость Бога, который всегда оказывалъ ее надъ королемъ чудеснымъ образомъ, панъ Гетманъ писалъ еще къ его величеству, что отговорки его уступаютъ волѣ и приказаніямъ Государя; что онъ будетъ служить; но что долгъ его — объяснить, для предосторожности, о томъ, что по его мнѣнію казалось бы нужнымъ. Письмо это ходило по рукамъ, потому что самъ гетманъ разослалъ копіи его нѣкоторымъ знатнѣйшимъ, свѣтскимъ и духовнымъ, сенаторамъ. На это письмо отвѣтъ короля былъ коротокъ: готовность пана гетмана служить и его предостереженія принимаются съ благодарностью, и просятъ его собрать какъ-можно скорѣе солдатъ, стараясь чтобы они вступали въ службу на жалованье по двадцати злотыхъ.

Выездъ его величества былъ отложенъ въ другой и въ третій разъ. Никто и въ то время не ввралъ его походу; однако наконецъ король действительно собрался въ путь. За день до выезда его величество написалъ къ пану гетману, чтобы онъ съѣхался съ нимъ на праздникахъ въ Люблинѣ, гдѣ онъ желаетъ обо всемъ съ нимъ переговорить и рѣшить о выдачѣ денегъ.

Гетманъ долженъ былъ выехать въ тотъ самый день, какъ получилъ письмо въ Жолкъвѣ, потому что оставалось мало времени. Въ субботу передъ праздникомъ онъ настигъ въ Белжицахъ короля, который того же дня имѣлъ свой въездъ въ Люблинъ. На другой день, въ воскресенье, послѣ объѣда, на приватной аудіенціи, гетманъ представилъ королю о томъ, что писалъ въ письмѣ, и о многихъ другихъ предметахъ; говорилъ, какъ важно предпріятіе его величества, и какихъ требуетъ оно приготовленій и издержекъ; въ особенности изъяслялъ сожалѣніе, что оно такъ много, по времени года, замедлилось: дорога дальняя, войско неготово, оно не получало жалованья, не иначе можетъ выступить, какъ во время жатвы, и прежде, нежели придетъ къ Московскимъ границамъ, осень и холодъ, которые тамъ рано настаютъ, отнимутъ всю возможность дѣйствовать. Наконецъ гетманъ указывалъ королю на примѣръ прадеда его, Казимира, который, имѣя многочисленное войско, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, Богемскимъ королемъ Владиславомъ, постыдно кончилъ дѣло противъ Матвѣя при Бреславлѣ, единственно оттого, что поздно выступилъ.

Панъ гетманъ, какъ самъ рассказывалъ, примѣтилъ тогда въ королѣ, что если бы дѣло было не начато, его величество позволилъ бы себя уговорить; но какъ оно теперь крѣпко относилось къ его чести, бывъ оглашено почти передъ цѣлымъ свѣтомъ, то король рѣшился поддерживать и привести къ концу эти затѣи. За деньгами для войска онъ приказалъ послать вслѣдъ за собою: въ самомъ дѣлѣ, Бродецкій получилъ ихъ въ Парчевѣ на двѣ тысячи пятьсотъ гусаръ и казаковъ, но и это доставилъ во Львовъ не скоро, уже вмѣстѣ съ квартирнымъ сборомъ съ жалованныхъ старостъ.

Около того времени въ Московской землѣ произошла въ дѣлахъ большая перемѣна. Плути хотѣлось царствовать не по силамъ, устанавливать тяжелые налоги, взимать большія подати; а наши, которые были при немъ, жили развратно, разбойничая, убивая, насильствуя, не щадя, не то, чтобъ чего другаго, даже самихъ церквей. Будучи не въ состояніи долге сносить такихъ излишествъ, и тѣ даже, которые пристали къ обманщику, начали переходить отъ него къ Шуйскому. Ихъ еще

болѣе ободрило счастье князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго, — успѣхи его противъ насъ, сначала подъ Новгородкомъ, противъ Кіернозицкаго, потомъ подъ Тверью противъ пана Зборовскаго и другихъ, которые съ нимъ находились. Этотъ Скопинъ-Шуйскій былъ молодъ, потому что не имѣлъ болѣе двадцати двухъ лѣтъ, но, какъ говорятъ объ немъ знавшіе его лично, обладалъ большими доблестями души и тѣла: разумъ у него былъ великій, не по лѣтамъ; характеръ мужа и прекрасная наружность. Будучи воеводою въ Великомъ-Новгородѣ и находя въ однихъ Московитянахъ слабую и невѣрную защиту, вошелъ онъ въ сношенія съ Карломъ, герцогомъ Судермаландскимъ. Карлъ, за деньги, высланныя изъ Москвы, отправилъ къ нему Якова Понтуса Делагарди и Христофора Шума съ шестью тысячами Нѣмцевъ, Французовъ, Англичанъ, Шотландцевъ и Шведовъ. Скопинъ, съ этими людьми и съ Московскимъ войскомъ, началъ, какъ уже сказано, тѣснить нашихъ господъ, Кіернозицкаго и Зборовскаго; наши, хотя и имѣли столько силъ, чтобы дать отпоръ Скопину, но по причинѣ ревности и несогласій между княземъ Рожинскимъ, гетманомъ войска, стоявшаго подъ столицею, и Паномъ Ивановъ Сапѣгою, находившимся съ частію войска подъ Тронцкимъ Монастыремъ, не могли добиться у себя толку. Такимъ образомъ, отъ нихъ ссоръ возрастали успѣхи и слава Скопина. Въ столицу Москву, которая приведена уже была въ крайность и терѣла голодъ, съ наступательнымъ движеніемъ Скопина начали доставлять продовольствіе изъ Рязани. Передъ этимъ бочка ржи (двѣ четверти) стояла двадцать съ чѣмъ-то злотыхъ: тутъ навезли ея столько, что начали продавать по три злотыхъ.

Таково было положеніе дѣлъ въ Московской землѣ, когда его величество выступилъ изъ Вильны къ Оршѣ. Панъ гетманъ, не затѣвая въ Вильну, отправился изъ Бреста черезъ Слонимъ прямо на Минскъ, гдѣ, около десяти дней ожидалъ подъ городомъ прибытія Короля. Тамъ же, на частной аудіенціи, онъ тотчасъ спросилъ, на чѣмъ его величество опираетъ свои планы; есть ли отъ бояръ новыя увѣдомленія объ ихъ доброжелательствѣ, и какія именно; что извѣстно о Смоленскѣ, и прочая, и прочая. Тѣ, кто подавалъ ко-

ролю благоприятныя надежды, увѣряли его, что бояре не смѣютъ объявить своего расположенія, пока король находится далеко, но какъ скоро услышатъ, что онъ уже въ Московскихъ границахъ, то немедленно покажутъ ему свою преданность.

Здѣсь, въ Минскѣ, получены письма отъ пана Бближскаго старосты, который настаивалъ, чтобы какъ-можно скорѣе начинать наступательныя дѣйствія: въ Москвѣ, писалъ онъ,—несогласія, духъ упалъ, и случай каждую минуту дѣлается болѣе благоприятнымъ. Онъ увѣдомлялъ также, что Скопня въвелъ изъ Смоленска людей, и поэтому надобно надѣяться, что городъ сдастся, за недостаткомъ гарнизона. Король, выѣхавъ съ мѣста, не оставался нигдѣ двухъ ночей на одномъ почлегѣ: онъ также не потерялъ времени и подѣ Минскомъ, переночевалъ одну только ночь, и поспѣшно двинулся на Борисовъ къ Оршѣ, соединяя нѣкоторые переходы по два въ одинъ. Кромѣ пана Пржемысльскаго кастелана, Стадницкаго, съ которымъ шли Венгерцы, народъ большею частію довольно распутный и своевольный, и гетманской роты, впереди не было никого, потому что и время для набора солдатъ было недостаточно, и не получивъ въ срокъ денегъ, они не могли скоро выступить въ походъ, да и дорога была дальняя; впрочемъ они спѣшили по возможности: болѣе всего ихъ ободрялъ панъ гетманъ частыми прокламаціями, объявляя по большимъ дорогамъ, что его величество король уже впереди, и что время, удобное для войны, приходитъ.

Въ Оршѣ панъ Литовскій канцлеръ особенно ходатайствовалъ о томъ, чтобы какъ-можно поспѣшнѣе итти къ Смоленску. Тѣмъ временемъ подошли его люди, которыхъ нѣсколько сотенъ онъ припасъ для службы королю, и нѣкоторыя другія роты. Поэтому канцлеръ и настаивалъ, чтобы король въ Оршѣ не медлилъ; и хотя на письмо, посланное въ Смоленскъ Оршанскимъ подстаростою для извѣщенія о приближеніи короля, не было отвѣта, но какъ, вопреки Московскому обычаю, съ посланцомъ обошлись тамъ по-людски, то изъ этого заключали, что, при отсутствіи войска, городъ непременно сдастся. Вотъ почему король, не дожп-

даже находившихъ уже людей, двинулся еще скорѣе изъ Орши. Панъ канцлеръ съ этимъ своимъ отрядомъ, изъ нѣсколькихъ сотъ человекъ пѣхоты и конницы пошелъ впередъ, посылая безпрерывно записки къ пану гетману, чтобы тотъ поскорѣе наступалъ и не пропускалъ удобнаго случая для покоренія Смоленска, такъ какъ гарнизонъ, назначенный для защиты замка, оттуда вышелъ. Эта поспѣшность весьма не нравилась пану гетману и пану Брацлавскому воеводѣ, съѣхавшемуся съ королемъ въ Оршу; но какъ панъ канцлеръ безпрерывно подвигался впередъ, то и мы встали, оставивъ за нимъ Пржемысльскаго кастелана, должны были также подвигаться. Въ день Св. Михаила (¹⁷/₂₉ сентября) панъ канцлеръ и Пржемысльскій кастеланъ подступили къ замку, взявъ предосторожности, чтобы не встрѣтить чего-нибудь неприятнаго. Панъ гетманъ, съ ротами, находившимися при немъ, прибылъ къ Смоленску на другое утро. Его королевское величество, дождавшись роты папа Брацлавскаго воеводы и нѣкоторыхъ другихъ, вступилъ въ лагерь на третій день, — а за тѣмъ другія роты: онѣ пришли черезъ недѣлю; иныя черезъ двѣ и три.

Мѣстоположеніе Смоленскаго замка весьма многіе описывали и рисовали: я скажу объ немъ кратко. Навидь, оно довольно пріятно; окружность стѣнъ, я думаю, заключаетъ въ себѣ около восьми тысячъ локтей (2,160 сажень), болѣе или менѣе, не считая наружныхъ частей. Башенъ и воротъ множество, но вокругъ замка ихъ тридцать восемь. Между башнями есть стѣны длиною по полтораста и болѣе локтей. Замокъ Смоленскій имѣетъ фундаментъ съ контрфорсами въ десять локтей вышины надъ землею или быть можетъ локтемъ менѣе, а высота всей стѣны, какъ можно судить по глазомѣру, около тридцати локтей.

Сперва мы посылали письма для того, чтобы склонить замокъ къ сдачѣ, но тщетно: тамошній воєвода, Михаилъ Борисовичъ Шенинъ, не хотѣлъ вступать ни въ переговоры, ни въ сношенія. Хотя и справедливо, что съ княземъ Яковомъ Баратынскимъ вышло изъ Смоленска довольно бояръ и стрѣльцовъ для усиленія войска Скопина, и чѣмъ аратынскій, оставивъ нѣсколько сотъ Смоленскихъ

стрѣльцевъ въ Бѣломъ, самъ съ боярами присоединился къ Скопину подъ Торжкомъ, гдѣ послѣдній имѣлъ первое, счастливое для насъ, дѣло съ паномъ Зборовскимъ; но все-таки оставалось еще довольно стрѣльцевъ и бояръ и въ Смоленскѣ: вообще, всѣхъ написанныхъ подъ оружіе людей разнаго сорта, старыхъ и молодыхъ, находилось тамъ, какъ послѣ оказалось, болѣе двухъ сотъ тысячъ. Къ осажденнымъ передали отъ насъ одинъ плутишка, родомъ изъ Могилева или изъ Орши: когда онъ объявилъ, что съ королемъ войска нѣтъ болѣе восьми тысячъ, Московитяне стали говорить между собою: «Насъ способныхъ къ бою, болѣе сорока тысячъ; мы сдѣлаемъ вылазку и разобьемъ ихъ.» Это намъ потомъ рассказывали переметчики изъ замка. Утреннее такимъ образомъ въ крѣпость своихъ стѣпъ и имѣя все нужное, — до трехъ сотъ пушекъ, кромѣ другихъ огнестрѣльныхъ орудій, пороху, снарядовъ достаточно, и продовольствія съ избыткомъ, — осажденные естественно не хотѣли входить ни въ какія сношенія.

Панъ гетманъ, съ вѣдома короля, собралъ военный советъ, въ которомъ присутствовали и сенаторы, бывшіе въ лагерь; кромѣ-того были приглашены всѣ, кто только имѣлъ познанія о добываніи крѣпостей, — нѣсколько иностранцевъ, состоявшихъ при Нѣмецкой пѣхотѣ, приведенной паномъ Пудкимъ старостою, и хвалявшихся, что хорошо знаютъ это дѣло, и одинъ старый полковникъ, colonel Scotch. У него спросили мнѣнія: онъ долго разсуждалъ, что это не замокъ, а звѣринецъ, и что имъ легко овладѣть. Нѣкоторые другія лица надѣялись тоже взять его, — первую какою-нибудь пустою хитростію. Не дѣлая своихъ заключеній, панъ гетманъ, чтобы не ослабить духа въ войскѣ, согласился съ ними въ советѣ, но наединѣ говорилъ королю, что орудіями, которыя мы имѣемъ, не возможно сдѣлать пролома въ такихъ толстыхъ стѣнахъ, а на петарды и подкопы, какъ нѣкоторые совѣтовали, полагаться ему нечего, такъ какъ эти средства удаются тогда только, когда можно ими дѣйствовать втайнѣ, неожиданно; теперь же непріятель взялъ всѣ предосторожности, и подобными хитростями ничего ему не сдѣлаешь. Гетманъ остерегалъ короля, чтобы онъ не употреблялъ такихъ средствъ, но принялъ бы другія мѣры.

Его величество, убѣжденный нѣкоторыми особами, что эти хитрости могутъ произвести хорошія послѣдствія, приказалъ испытать ихъ непременно.

Такъ, разставивъ войско надлежащимъ образомъ, отправили мы петарды къ двумъ воротамъ, — пана Пуцкаго старосту, Вайхера, къ Копычинскимъ, гдѣ совершенно ни какого успѣха не было, и пана Новодворскаго къ Абрамовскимъ. Извинъ передъ воротами, непріятель построилъ срубы, наподобіе кавтей, такъ, что черезъ эти срубы не было доступа, развѣ прохода около нихъ, близъ самой стѣны, такую узкою улочкою, что одинъ только человекъ могъ пробраться и провести лошадь. Пришедши къ срубамъ, панъ Новодворскій долженъ былъ идти съ петардой такою улочкою, и то наклонясь подъ нижнія крѣпостныя орудія. Онъ присадилъ одну петарду къ однимъ воротамъ, другую къ другимъ, и высадилъ ихъ. Но какъ при этомъ сдѣлался ужасный стукъ, открылся сильный огонь изъ пушекъ и другаго оружія, то мы и не знали, какой успѣхъ имѣли петарды, — а воротъ не было возможности видѣть за срубомъ, который заслонялъ ихъ. Такимъ образомъ тѣ, которые, проникнувъ въ улочку, были впереди, не вѣдая что тамъ дѣлается, не пошли далѣе, тѣмъ болѣе, что съ Новодворскимъ было сдѣлано условіе, чтобы находившіеся при немъ трубачи подали знакъ войску на трубахъ, если петарды произведутъ свое дѣйствіе. Но королевскіе трубачи, которыхъ Новодворскій взялъ съ собою для этого, при всеобщемъ замѣшательствѣ, не извѣстно куда дѣвались, и условный знакъ не былъ поданъ. Коинница, не слыша трубъ, полагала, что петарды не имѣли успѣха, и отошла назадъ, тѣмъ скорѣе, что и королевская пѣхота, бывшая близко воротъ, также отступила. Таково было послѣдствіе великой надежды на петарды: хорошо, что не понесли большой потери въ людяхъ. Это происходило передъ разсвѣтомъ, когда еще не было видно: осажденные стрѣляли куда попало, и потому попытка панъ не стояла болѣе двадцати человекъ.

Послѣ, король призналъ за лучшее, приблизить къ самымъ стѣнамъ орудія и попробовать дѣйствовать подкопами. Панъ гетманъ отсвѣтовалъ и это средство, потому что

оно не могло принести ни какой пользы. Пауль Гетманъ объявилъ, что, если нельзя иначе и его величество непременно прикажетъ, онъ не станетъ смотреть на трупы и опасности, но полагаетъ несбыточною вещь, какъ потомъ оправдалось и на дѣлѣ, чтобы этими орудіями можно было сдвѣять достаточный проломъ въ стѣнахъ. Еще менѣе имѣлъ онъ надежды на подкопы и на ихъ успѣшное дѣйствіе, по той причинѣ, что непріятель взялъ противъ нихъ хорошія предосторожности. Отъ одного передавашагося изъ замка было уже извѣстно, что непріятель устроилъ слухи около самыхъ стѣнъ съ вѣншей стороны, и следовательно, насчетъ подкоповъ, былъ безопасенъ. Гетманъ лучше совѣтовалъ, когда у насъ столько войска,—потому что почти въ то самое время прибылъ и Олевченко съ тридцатью тысячами Запорожцевъ,—окружить Смоленскъ укрепленными постами и двинуться къ столице, главнѣ всего: тамъ, сначала, при общей тревогѣ можетъ представиться удобный случай къ тому, что и бояре, изъявлявшіе прежде свою преданность его величеству, отзовутся при его приближеніи. Отъ бояръ, которые находились при самозванцѣ,—ихъ было не мало и даже знатныхъ,—мы имѣли удовлетворительныя извѣстія, что они готовы исполнять желанія его величества. Обращалось вниманіе и на то, что отъ промедленія подъ Смоленскомъ, дѣло затянется на долго и потребуется много денегъ, которыхъ уже при самомъ началѣ не очень намъ доставало, а отступленіе отъ замка, когда мы обложимъ его частію войска, не посрамитъ насъ. Гетманъ представлялъ въ примѣръ Сочаву: когда мы къ ней подступили, и увидѣли, что замокъ сильно вооруженъ, а у насъ нѣтъ орудій для того, чтобы разгромить стѣны, мы обложили его людьми, построили редуты такимъ образомъ, чтобы изъ крѣпости не было выхода, оставили только свободный путь въ тылу для нарочныхъ, купцевъ и другихъ прибывающихъ къ намъ людей, и сами пошли далѣе. То же самое могло бы послужить намъ и теперь: оставивъ по нѣскольку сотъ человѣкъ въ трехъ редутахъ, мы тѣмъ совершенно воспретимъ выходъ изъ Смоленска. Въ немъ довольно людей для защиты стѣнъ, но вовсе нѣтъ такихъ, которыхъ бы можно было пустить въ поле, и поэтому дорога въ тылу нашего войска будетъ безопасна.

Эта мысль сначала понравилась королю, какъ впоследствии онъ часто о томъ упоминалъ, сожалѣя, что не привелъ ее въ исполненіе. Но другіе обнадеживали его величество, что бомбардированіемъ или подкопами можно взять Смоленскъ. Эта надежда, какъ уже сказано, оказалась тщетною.

Когда мы простояли уже довольно долго, и лучшія наши орудія, послѣ немногихъ выстрѣловъ, перепортились, и въ пѣхотѣ, стоявшей въ шанцахъ, распространилась болѣзнь, а многіе солдаты разбѣжались, нѣкоторые были перебиты, иные переранены,—гетманъ неоднократно представлялъ королю, что для покоренія замка, надобно орудій большаго калибра, и что нужно усилить пѣхоту, которой весьма мало: онъ просилъ его величество послать за мастеромъ, чтобы перелить попорченныя орудія. Насчетъ усиленія пѣхоты, король отговаривался недостаткомъ денегъ, потому что не только не на что набирать новой, но даже не чѣмъ платить и этой горсти солдатъ. Относительно орудій были разныя намѣренія. Король приказалъ—было уже послать въ Ригу за хорошимъ мастеромъ, но, къ несчастію, его тамъ убили, и изъ передѣлки орудій ничего не вышло. Но въ Ригѣ было нѣсколько готовыхъ пушекъ: его величество велѣлъ ихъ привезти. Ихъ отправили Двиною, потомъ вверхъ по Каспѣ, и въ шести миляхъ отъ Смоленска выгрузили на берегъ.

Между-тѣмъ, подъ Москвою, какъ сказано выше, Скопинъ весьма тѣснилъ нашихъ; строя городки, онъ отнималъ у нихъ средства къ продовольствію, особенно у тѣхъ, которые стояли съ паномъ Сапѣгою подъ Троицею. Подъ Колязинымъ Монастыремъ и Александровскою Слободою наши нѣсколько разъ покушались на Скопина, но онъ имъ всегда давалъ хорошій отпоръ подъ защитою городковъ. Онъ не вступалъ въ бой съ ними и стѣснялъ ихъ одними городками. Эти городки были построены наподобіе фортвъ или небольшихъ замковъ. Шумъ научилъ его искусству строить ихъ такимъ образомъ. Въ полѣ наши были имъ страшны, но съ ихъ укрѣпленіями не знали что дѣлать: безопасное мѣстоположеніе обезпечивало Москвитянъ, и она, дѣлая вылазки изъ своихъ городковъ на передовые посты, не позволяла нашимъ ни куда уклониться изъ лагера.

Въ чемъ состояло посольство, отправленное его величествомъ къ нимъ подъ Москву, и чего требовали посольства, прїѣзжавшія къ королю отъ тамошней нашей братьи, легко можно видѣть по официальнымъ бумагамъ. Коротко сказать, они требовали отъ короля вещей невозможныхъ, а посольство его величества къ нимъ принесло намъ въ той сторонѣ болѣе вреда нежели пользы, потому что самозванецъ со страху бѣжалъ; отъ этого произошли большія замѣшательства: обманщикъ изъ Калуги, какъ всегда, щедро сыпалъ обѣщаніями, а въ этой суматохѣ, замки начали ему измѣнять, — Щепусовъ (?) и Боровскъ передались Шуйскому; потомъ и Можайскъ. Панъ Сапѣга, не въ состояніи держаться долѣе, отошелъ изъ-подъ Троицы къ Дмитрову, и когда Скопинъ пересталъ на него напирать, онъ отступилъ и отъ Дмитрова. Тоже и подъ Москвою: наши, недовольные отвѣтомъ короля, который отказывался удовлетворить безразсудныя ихъ требованія, зажгли свой лагерь, и выступили оттолкъ къ Осипову (Монастырю) и Волоку (Волоколамску); орудія, бывшія съ ними въ лагерь, перевезены въ Осипово. Отселъ они снова отправили посольство къ его величеству, домогаясь по-прежнему несправедливаго и несбыточнаго. Хотя король и согласился на то, на что было можно, но эти господа, — князь Рожипскій во время этого посольства умеръ, — не думали умѣрить своихъ требованій, и начали рваться изъ своего лагерь: тутъ часть значительнѣйшихъ перешла съ паномъ Зборовскимъ на сторону короля, но несравненно большая часть кинулась къ обманщику, полагаясь на его обыкновенныя обѣщанія; и когда онъ не сдержалъ имъ слова, Яниковскій прислалъ къ пану Гетману съ предложеніемъ, что если только будетъ для короля польза, они отрубятъ голову этому плуту, а Калугу удержать за его величествомъ. По нѣкоторымъ уваженіямъ, король не призналъ за благо лишать его жизни, такъ какъ иные замки и значительная часть Московской черни еще его держались, и, если бы его умертвить, они скорѣе передались бы Шуйскому, нежели намъ.

Тутъ случилось, что Скопинъ, который велъ въ это время дѣла наилучшимъ образомъ, умеръ, какъ сперва

клеветали, отравленный съ согласія Шуйскаго, по причинѣ соперничества, возникшаго между ними, но какъ послѣ оказалось, по произведеннымъ многу распросамъ, просто—отъ горячки. Однако жъ, Скопинъ первую свою дружину усилялъ—было новымъ наборомъ ипострапцевъ, состоявшимъ изъ нѣсколькихъ тысячъ Французовъ, Англичанъ и Шотландцевъ, — и они-то, слѣдуя отъ Новгорода, выгнали безчинствующія шайки казаковъ изъ Ржева и Старицы, пришли подъ Осипово и высадили ворота петардою. Наши, бывшіе тамъ съ Рудкинымъ, мужественно ихъ отразили, но отъ буйства, несогласія и бунтовъ, сами добровольно, безъ всякаго натиска со стороны непріятеля, отошли отъ этого мѣста и понапрасну дали себя разбить постыднымъ образомъ: одни, кто могъ, ушли; другихъ побилъ, многіе попались въ плѣнъ. Отступленіе это сдѣлано безъ всякой причины, потому что непріятель не предпринималъ нападенія и спокойно стоялъ въ нѣсколькихъ миляхъ, а панъ Зборовскій съ паномъ Казановскимъ готовы были подать имъ помощь, и для этого уже соединились—было между собою.

Когда на сторонѣ Шуйскаго начались такіе успѣхи, мы были въ стѣсненномъ и разстроенномъ положеніи, и въ совѣтъ начальниковъ не думали, чтобы посредствомъ трактатовъ можно было достигнуть какого-нибудь честнаго послѣдствія: рѣшились написать, на всякій случай, письмо отъ сенаторовъ къ думнымъ боярамъ о прекращеніи кровопролитія и заключеніи между государями перемирія. Письмо написано и отправлено черезъ коморника его величества, Слизня. Когда Слизень пріѣхалъ въ Царево-Займище, Дуниковскій, бывшій тамъ съ полкомъ пана Лудвига Вайхера, послалъ въ Можайскъ съ извѣстіемъ о прибытіи гонца и прося, чтобы послали къ нему на встрѣчу. Въ Можайскѣ находились въ то время уже съ немалымъ войскомъ, князь Андрей Голицынъ и князь Данило Мышенскій: получивъ наставленіе отъ Шуйскаго, они отвѣчали, чтобы Слизень къ нимъ не ѣздилъ, потому что, если пріѣдетъ, онъ наживетъ себя вредъ. Они присовокупляли въ письмо своемъ, что Великій Государь ни какихъ пословъ отъ короля не желаетъ принимать и не будетъ съ нимъ ссы-

латься до тѣхъ поръ, пока его величество не оставитъ Московскаго царства. До такой уже степени Шуйскій раздужся этими успѣхами и этимъ чужеземнымъ войскомъ, котораго имѣлъ до восьми тысячъ. И тутъ онъ сталъ сосредоточивать Московское войско; назначилъ начальникомъ своего брата Дмитрія; поджидалъ только Татаръ, за которыми было послано, и обѣщалъ себѣ несомнѣнную побѣду. Потому что ему посчастливилось надѣ нѣсколькими замками, которые легко были возвращены, онъ надѣялся взять также легко и Бѣлую. На этотъ конецъ онъ водослалъ туда князя Хованскаго и князя Якова Баратынскаго съ Московскимъ войскомъ и Едуарда Горнштейна съ иностранцами, покорившими недавно Осиповъ и Волоколамскъ. Замокъ Бѣлая стараніемъ пана Вѣлжскаго старосты (Госевскаго), по истребленіи Московитягъ голодомъ, достался—было недавно въ руки его величества. Панъ Вѣлжскій староста уже тогда въ немъ находился, имѣя при себѣ нѣсколько сотъ солдатъ и около тысячи казаковъ, и онъ порядочно потрепалъ Московитягъ Шуйскаго. Сперва пощастливилось нашимъ въ полѣ; а когда Московитяне силою подступили къ замку, панъ староста наносилъ имъ большой вредъ орудіями. Имѣя мало пороху и продовольствія, онъ писалъ и писалъ, прося о помощи и спасеніи, потому что болѣе недѣли онъ не можетъ выдержать осады.

Говорено уже было выше, какъ наше войско, бывшее подъ столицею у обманщика, начало, послѣ его побѣга въ Калугу и отступленія пана Сапѣги отъ Троицы, возмущаться; какъ оно отошло къ Осипову и Волоколамску; какъ по смерти князя Рожинскаго, замѣшательства еще болѣе усилились, и какъ отдѣлившись въ Хлыпинъ, одни пошли къ самозванцу, а меньшая часть, знатнѣйшіе, съ полковникомъ своимъ, шапомъ Зборовскимъ, явились на службу его величества: эти выговорили себѣ нѣкоторыя условія насчетъ своей службы, и получили отъ короля въ подарокъ сто тысячъ злотыхъ. Я сказалъ также, что, когда товарищи ихъ отправились подъ Калугу, иностранцы Шуйскаго, отрядъ вновь панятый Скопиннымъ, прибывъ во Ржевъ, выгнали казаковъ какъ оттуда, такъ изъ Старицы и Зубцова: эти казаки, тѣснимые Нѣмецкою дружбиною, изъ Хлыпина ушли

въ Шуйскъ, лежащій между Вязмою и Царевомъ-Займищемъ.

Въ Вязмѣ былъ полковникъ, панъ Мартинъ Калиновскій, и имѣлъ у себя около восьми сотъ человекъ вольницы. Панъ Самуилъ Дуниковскій стоялъ въ Царевомъ-Займищѣ, и также имѣлъ около семи сотъ человекъ. Какъ эти войска стояли слишкомъ разнo, а между-тѣмъ болѣе и болѣе было слышно, что Московская рать скопляется и усиливается, то самое дѣло указывало на необходимость послать кого-нибудь съ полною властію, чтобы онъ сосредоточилъ наши отряды и водворилъ въ нихъ порядокъ. Дѣло рѣшилось тѣмъ, что король приказалъ пану Брацлавскому воеводѣ, взять съ собою часть войска и соединиться съ людьми, находившимися впереди, для сдѣланія диверсіи непріятелю. Въ виду имѣли и то, что когда тамъ будетъ кто-нибудь съ полною властію, есть надежда, что Московскіе бояре, обѣщавшіе свое расположеніе его величеству, подадутъ ему голось. Брацлавскій воевода вызвался на это порученіе; но или, по разстройству своего здоровья, которое было слабо, или по другой причинѣ, скоро началъ торговаться съ королемъ о числѣ людей, которыхъ цѣлую тѣму хотѣлъ взять съ собою, о награжденіи какъ для себя, такъ и для отправлявшихся съ нимъ людей; — и такимъ образомъ изъ этой экспедиціи ничего не вышло. Но когда Московитяне съ своей иностранною дружиною начали сильно наступать, и, какъ уже сказано, вытѣснили нашихъ изъ Волоколамска и Осипова, и разбили, а о князѣ Димитріи разнеслись слухи, что онъ скоплеть свои полки въ Можайскѣ, тутъ только его величество, видя дѣла свои въ большой опасности, — потому что если бы Московитянамъ удалось разбить нашихъ въ Вязмѣ, Шуйскѣ и Царевъ-Займищѣ, (что, по причинѣ ихъ несогласій и отдаленнаго расположенія, было вѣроятно) тогда трудно было бы удержаться подъ самымъ Смоленскомъ, — приказалъ пану гетману взять часть войска, но гораздо меньшую той, которая назначалась съ паномъ Брацлавскимъ воеводою, соединиться съ отрядами, расположенными впереди, и съ ними встрѣтить непріятеля. Панъ гетманъ, хотя и чувствовалъ, что съ этою горстью народа онъ идетъ на вѣрную и явную опасность, предпочелъ скорѣе пуститься

на удалую, нежели оставаться подъ Смоленскомъ, котораго очищеніе отъ непріятеля всегда находилъ труднымъ, потому что не было ни снарядовъ, ни войска столько, чтобы можно было надвяться покорить такую крѣпость. Что касается до пана Брацлавскаго воеводы, то онъ имѣлъ опытность въ полѣ, но покореніе крѣпостей всего менѣе было ему извѣстно: замокъ этотъ ставилъ онъ ни во что, называлъ его курятникомъ, и весьма былъ доволенъ, что, за отъѣздомъ гетмана, на него пала обязанность покоренія.

Панъ гетманъ, написавъ къ полковникамъ, находившимся впереди, чтобы они стянули свои отряды въ одно мѣсто, назначилъ имъ только четыре дня для собранія людей изъ разныхъ деревень, перековки лошадей и исправленія повозокъ. Въ тотъ самый день, когда онъ намѣревался выступить, прибѣжалъ отъ пана Вѣлижскаго старосты гонецъ съ извѣстіемъ объ обложеніи Бѣлой, и приведено нѣсколько Шотландцевъ, захваченныхъ въ плѣнъ. Донесши объ этомъ его величеству, панъ гетманъ тотчасъ воротилъ пѣхоту съ орудіями и обозомъ, выступившую уже прямо къ Вязьмѣ, и отправился на помощь своимъ къ Бѣлой. Московитяне и иностранцы нашли здѣсь совсѣмъ не то что въ Ржевѣ и Осиповѣ: сперва панъ Вѣлижскій староста далъ имъ хорошій отпоръ, а потомъ они услышали о приближеніи пана Гетмана съ войскомъ и встревожились. Нѣсколько десятковъ Англичанъ тотчасъ передались въ замокъ, а прочее войско, какъ иностранное, такъ и Московское, начало поспѣшно отступать къ Ржеву, и переправилось за рѣку. Панъ Гетманъ пришелъ подъ Бѣлую 14 іюня, и, отдохнувъ два дня, на шестой день соединился съ нашими людьми, собиравшимися у Шуйска: они стояли на берегу находящейся тамъ рѣки, окруживъ свой лагерь рогатками. Въ слѣдствіе гетманскихъ позывовъ, присоединились къ нему два полка вольныхъ казаковъ; одинъ Пясковаго, служившаго у князей Зборовскихъ, а другой нѣкоего Ивашина. Въ обоихъ этихъ полкахъ было болѣе трехъ тысячъ козакихъ человекъ. Близость непріятеля была причиною тому, что наши стояли окруженные рогатками, потому что, хотя князь Дмитрій Шуйскій, поджидая Понтуса, медлившаго въ Москвѣ и торговавшагося съ царемъ о деньгахъ,

самъ былъ еще въ Можайскѣ, но онъ между-тѣмъ, къ Цареву-Займищу, который лежитъ только въ двухъ миляхъ отъ Шуйска, отправилъ войско съ княземъ Елецкимъ и Григоріемъ Валуевымъ, и оно, какъ потомъ самъ Валуевъ утвердительно говорилъ передъ всѣми, простиралось до десяти тысячъ. Мы полагали его только въ восемь тысячъ, копныхъ и пѣшихъ. Намѣреніе князя Дмитрія было тѣснить насъ прошлогоднею хитростію Скопина: для этого онъ приказалъ Валуеву построить близъ Царева-Займища городокъ, что Валуевъ исполнилъ съ большою поспѣшностію. Панъ гетманъ только переночевалъ при Шуйскѣ, и на другой день тронулся къ Цареву-Займищу, желая скорѣе прійти туда, чтобы не допустить Валуева укрѣпиться въ этомъ городкѣ. Для обхода мостовъ, которые тамъ весьма длинны, панъ Гетманъ долженъ былъ слѣдовать окружными дорогами. Солдаты полка пана Зборовскаго, долго привыкшіе безчинствовать въ беспорядочномъ войскѣ самозванца, не знали повиновенія: панъ гетманъ принужденъ былъ терять съ ними время, пересылаться, и кончилось тѣмъ, что они съ нимъ не пошли. Такимъ образомъ, взявъ съ собою полкъ пана Казановскаго, полкъ пана Дупиковскаго и казаковъ, онъ подошелъ къ Цареву-Займищу на одну милю, расположилъ войско, а самъ между-тѣмъ, желая собрать вѣрныя свѣдѣнія, чтобы нейти далѣе на-обумъ, и рѣшась лично осмотрѣть неприятельскую позицію, отобралъ около тысячи человекъ, и къ вечеру подъѣхалъ къ крѣпости.

Цареву-Займищу заложилъ Царь Борисъ надъ рѣкою, на которой устроилъ прудъ и насыпалъ плотину, ужасно широкою, такъ какъ и всѣ его постройки были великолѣпны: сто лошадей могли итти по ней рядомъ. За плотиною, подъ лѣсомъ, въ нѣсколькихъ стадіяхъ, какъ на выстрѣль изъ добраго фальконета, Валуевъ построилъ свой городокъ. Бдучи въ нашего лагеря, намъ надобно было спускаться подъ гору къ мѣстечку, которое было зажжено. Валуевъ, замѣтивъ насъ на скатѣ горы, вывелъ до трехъ тысячъ человекъ, пѣшихъ и конныхъ, на плотину, гдѣ они начали сражаться съ нашими. Счастье благоприятствовало намъ до того, что наши убили около десяти Москвитянъ и взяли въ плѣнъ одного изъ ротмистра и одного стрѣльца, не поте-

рять ни одного человѣка: два, три были ранены, и то слегка. Русскіе не знали бы даже, что мы за люди, если бы одинъ Москвитиницъ не измѣнилъ и не передался отъ насъ. Узнавъ отъ него, что здѣсь находится гетманъ, они побоялись засады, которой не было: искусные войны даже порицали потомъ пана гетмана за то, что онъ бросился-было въ такую опасность. Такъ, страшась засады, Валуевъ не только не смѣлъ наступать, но еще приказалъ своимъ людямъ возвратиться въ городокъ. Панъ гетманъ, который уже осмотрѣлъ и узналъ, что ему было нужно, вслѣдъ за темъ трубнть отступленіе, и мы въ часъ ночи возвратились въ свой лагерь.

На слѣдующее утро, 24 іюня, то есть, въ Ивановъ день, гетманъ придвинулъ свое войско къ Цареву-Займищу. Лагерь расположился на той же горѣ, откуда было видно мѣстечко; пѣхотѣ приказано стать на выгорѣвшемъ пространствѣ, у конца плотины, а казаки поселились на другой сторонѣ мѣстечка, ниже, надъ болотомъ. Намѣреніе пана гетмана было—занять эту позицію на день, а ночью перейти черезъ плотину и расположиться за городкомъ, на Можайской дорогѣ, чтобы отнять у Валуева даже и падежду на помощь. Но въ дѣлахъ человѣческихъ, особенно военныхъ, не всегда бываетъ такъ, какъ кто разочтетъ себя въ умѣ: то же случилось и теперь. Валуевъ держалъ своихъ людей въ городкѣ; около ста всадниковъ разбѣжали подлѣ самаго укрѣпленія; мостъ на перемычкѣ приказалъ онъ разобрать, а при самой плотинѣ, въ рывтинахъ, сдѣланныхъ дождевою водою сбоку, и въ кустахъ, которые росли ниже плотины и соединялись съ ней какъ-бы стѣною, рассыпалъ нѣсколько сотъ стрѣльцевъ. Этыхъ людей, пока они не начали двигаться, не возможно было отъ насъ видѣть. Валуевъ сдѣлалъ это, зная по опыту стремительность нашихъ солдатъ: онъ надѣялся, что они, какъ вчера, безопасно взойдутъ на плотину и отъ сокрытыхъ въ засадѣ людей понесутъ потерю. Но это не удалось: хотя спрятанныхъ стрѣльцевъ не было видно, однако панъ гетманъ, имѣя подозрѣніе на кусты, находившіеся близъ плотины, запретилъ, чтобы никто по ней не ходилъ и не вѣдалъ. Москвитане, сидѣвшіе въ рывтинахъ у плотины, ви-

дѣ, что наши остановились и нейдугъ, потеряли терпѣніе, и начали изъ рывтвинъ перебѣгать другъ къ другу. Наши, наблюдашіе заплотиною, замѣтили это: чтобы не посрамить себя, да и не впасть въ презрѣніе у непріятеля за то, что, стоятакъ близко, мы не осмѣливаемся на него напасть, панъ гетманъ приказалъ приготовиться пѣхоть, а казаки, пѣскольکو сотъ человекъ, спѣпившіеся зашли съ противоположной стороны плотины, по мѣсту, занятому прежде прудомъ, а теперь удобопроходимому, потому что вода была спущена. Москвитяне, съ другой стороны плотины, не замѣтили нашихъ людей, которые къ нимъ подкрадывались, и тѣ, какъ скоро съ ними поравнялись, сдѣлали открытое нападеніе: одни бросились прямо на плотину, другіе выскочили изъ-подъ нея, и всѣ открыли огонь. Москвитяне тотчасъ стали уходить кустами: наши ихъ преслѣдовали, и такъ быстро, что пѣхота перешла рѣку, черезъ которую для конныхъ не было перевѣзда, потому что мостъ, какъ сказано, разобранъ былъ непріателемъ. Панъ гетманъ, опасаясь, чтобы пѣхота, отъ своей опрометчивости не подверглась урону, приказалъ скорѣе строить мостъ, — что было мигомъ исполнено, — и въ то же время для вспомошествованія пѣхоть, переправить кавалерію, которой тотчасъ перешло около тысячи человекъ. Но пока это сдѣлалось, Валуевъ, видя, что его пѣхота бѣжитъ отъ плотины и что наши сильно ее преслѣдуютъ, пожелалъ подать своимъ помощь или уничтожить нашихъ, не подкрѣпляемыхъ конницей, и вывелъ изъ городка до трехъ тысячъ пѣхоты и кавалерію. Но такъ какъ конница быстро переправилась, то наши открыли съ ними сраженіе на шолъ, подъ самымъ городкомъ, и разбили ихъ до того, что одни побѣжали въ городокъ, а другіе мимо, и такимъ образомъ пѣхота наша была спасена.

Впрочемъ въ этой стычкѣ было не безъ потери: слышномъ двадцать человекъ нашихъ убито и ранено; между прочими панъ Мартинъ Вагнеръ, камеръ-юнкеръ его величества, пріятный молодой человекъ, былъ прострѣленъ и положилъ тамъ голову. Москвитяне понесли несравненно бѣольшую потерю: кромѣ-того, нѣскольکو десятковъ человекъ валято у нихъ въ плѣнъ.

Битва эта завязалась болѣе случайно, нежели съ намьре-

ниемъ, и плотина, при завладѣннн которою панъ гетманъ ожидалъ болѣе трудности, была въ нашихъ рукахъ. Поэтому онъ приказалъ починить мостъ еще лучше, и часть войска расположилъ тотчасъ за плотиною, противъ городка. На другой день, перешедши черезъ плотину со всѣмъ корпусомъ, онъ занялъ позицію на большой Можайской дорогѣ, откуда Валуевъ ожидалъ подкрѣпленія. Это тѣмъ удобнѣе было исполнено, что и полкъ пана Зборовскаго, узнавъ, что панъ гетманъ сражается съ непріателемъ,—въ полку этомъ было много людей благородныхъ, которые сожалѣли, что имъ не удалось подраться,—тогда присоединились къ намъ того же числа.

Нѣкоторые подавали мнѣнне взять городокъ приступомъ: они полагали, что устрашенный непріатель не выдержитъ перваго натиска; но панъ гетманъ нашелъ это предпріятіе и опаснымъ, и крайне труднымъ, потому что непріатель уже хорошо укрѣнился, и притомъ Московскій народъ весьма способенъ къ защитѣ за стѣною. Онъ узналъ отъ пѣвинныхъ, что Русскіе имѣютъ мало продовольствія,—только то, что принесли съ собою въ торбахъ или въ саквахъ,—и хотѣлъ принудить ихъ къ сдачѣ осадою. Чтобы воспретить имъ добываніе продовольствія для людей и лошадей со стороны, онъ приказалъ построить въ удобныхъ мѣстахъ малые городки, которые скоро были окружены частоколомъ, окопаны рвами, и заняты каждый сотнею человекъ частію изъ пѣхоты, а частію изъ казаковъ,—и лучшими людьми противъ того мѣста, отколь осажденные доставали воду. Кавалерія, съ своей стороны, видя недостатокъ въ пѣхотѣ и дѣйствительную необходимость особенной мѣры, употребляла свою челядь для воспрепятствованія непріателю выхода изъ городка, на что онъ покушался каждый день по нѣскольку разъ, дѣлая вылазки. Это ему не удавалось: наши отгоняли его, стрѣлая изъ своихъ городковъ, особенно изъ того, который былъ противъ воды, откуда, какъ потомъ сказывалъ самъ Валуевъ, убито у него до пяти сотъ человекъ. У насъ тоже, особенно въ пѣхотѣ, при этихъ непрерывныхъ стычкахъ, было не безъ потери. Стѣпенный такимъ образомъ Валуевъ безпрестанно посылалъ гонцевъ, которые, въ ночное время, прокрадывались

льсами, къ князю Дмитрію Шуйскому, находившемуся подъ Можайскомъ, отъ городка въ двѣнадцать мильхъ. Онъ извѣщалъ его о своей опасности и о томъ, что, если не будетъ ему помощи, онъ не въ состояніи удержать войско за недостаткомъ продовольствія, тѣмъ болѣе, что и такъ уже нѣкоторые начинаютъ вступать въ переговоры съ Москвитянами, находящимися при гетманѣ. Поэтому, князь Дмитрій, собравшись съ своей ратью и съ иностранною дружиною, — Поутусъ пришелъ уже было изъ Москвы, — выступилъ къ Цареву-Займищу, исполненный доброй надежды, что нашъ корпусъ, котораго малочисленность была ему извѣстна, не устоитъ противъ числа и силы его ополченія. Въ это онъ весьма вѣровалъ. Опъ шелъ не большою Можайскою дорогою, а немножко въ бокъ, къ Клушину, такъ какъ съ этой стороны ему было удобнѣе открыть сношеніе съ Валуевымъ, и потому что и Едуардъ Горнстейнъ съ иностранною дружиною, недавно прибывшее отъ Ржева къ Погорельнѣ, слѣдовалъ тою же дорогою.

Въ нашемъ лагерѣ разнесся слухъ объ огромности и могуществѣ силъ непріятеля; нѣкоторые опасались, чтобы онъ своей массою не подавлялъ насъ; въ войскѣ пошли противъ гетмана разныя поговорки, — что ему свѣтъ опротивилъ и что для этого онъ хочетъ погубить вмѣстѣ и себя и людей. Но гетманъ, знавъ, что, въ то тяжелое время, все зависѣло и для короля и для республики отъ того, какииъ образомъ Господь Богъ приведетъ окончить дѣло съ княземъ Шуйскимъ, рѣшился испытать съ нимъ счастье. По возвращеніи, пріемъ его отъ короля могъ быть не только неблагоклоненъ, но даже опасенъ. Оттого онъ, черезъ наблюдательные отряды, непрерывно собиралъ свѣдѣнія о движеніи князя Шуйскаго отъ Можайска. Панъ ротмистръ Невядоровскій, посланный для открытія непріятеля, захватилъ нѣсколько боярскихъ дѣтей, собиравшихъ по сторонамъ продовольствіе для войска, и возвратился 3 июля, рано, съ этими пльничками. Они дали удовлетворительное показаніе, что князь Дмитрій будущую ночь долженъ провести подъ Клушиномъ. Между-тѣмъ прибрело къ нашему войску пять человекъ Французовъ и Шотландцевъ, принадлежавшихъ къ отряду Едуарда Горнстейна,

которые также насъ уведомили, что непріятельскія силы уже соединились.

Выше было сказано, что еще прежде, подъ Бялою, перешло къ намъ нѣсколько человекъ, а потомъ и нѣсколько десятковъ этихъ иностранцевъ: они обадеживали, что, если бы панъ гетманъ написалъ къ нимъ, ихъ бы передадогъ и болѣе. Панъ гетманъ не хотѣлъ пропустить столь благоприятнаго случая: въ надеждѣ поселить несогласіе или произвести раздоръ въ иностранной дружинѣ, онъ одарилъ одного Француза, добровольно вызвавшагося доставить посланіе, и написалъ съ нимъ письмо по-Латыни, которое, по его краткости, помѣщаю слово въ слово ('): «Между народами нашими не было никогда непріязни. Короли наши всегда были, да и теперь остаются, взаимными друзьями. Ни чѣмъ не оскорбленные нами, несправедливо помогаете вы противъ насъ послѣдственнымъ врагамъ нашимъ. Что до насъ касается, то мы равно готовы на объ крайности съ вами, а вы съ своей стороны подумайте, врагами ли сеюнами быть намъ хотите, или друзьями. Здравствуйте.»

Француза провели къ отряду Горнстейна, прежде нежели онъ соединился съ княземъ Дмитріемъ, но беднаку это не пошло въ прокъ. Горнстейнъ, узнавъ объ немъ, приказалъ его повѣсить. Впрочемъ, отъ этого произошли тѣ послѣдствія, что въ дружинѣ Горнстейна посѣяны были семени раздора между солдатами и начальниками.

Когда панъ гетманъ удостоверился, и черезъ плевнникъ и черезъ Французовъ, о приближеніи Московской рати, онъ совзвалъ все рыцарство на совѣтъ, и, сообщивъ ему полнѣйшія извѣстія, что непріятельское войско только въ четырехъ миляхъ, подъ Клушиномъ, предлагалъ на разсужденіе, что лучше?—оставить ли часть силъ для наблюденія за городкомъ, подойти къ непріятелю и сразиться съ нимъ, или же ожидать его на мѣстѣ. Были разныя мнѣнія, какъ

(1) Inter nationes nostras nulla unquam intercessit hostilitas. Reges nostri semper fuere, atque etiam nunc sunt, invicem amici. Cum nulla sitis injuria a nobis laesi, iniquum est, cum haereditarios hostes nostros, Moschos, contra nos juvetis. Quantum ad nos attinet, in utramque partem parati sumus: hostes, an amicos, nos esse malitis, vos ipsi considerate. Valete.

всегда бывасть: одни, видя малочисленность нашего корпуса, находили, что нечего дѣлать, для того, чтобы неприятель побилъ насъ раздѣленныхъ на малыя части; что по удаленіи большей части нашего войска, неприятель, свѣдавъ объ его отсутствіи, можетъ сдѣлать нападеніе на лагерь, догадавшись, что тутъ оставлена слабая защита; но многіе настаивали, чтобы, отдѣливъ для охраненія осаднаго лагеря столько людей, сколько можно, съ остальными итти на встрѣчу неприятелю: если ему позволить приблизиться, онъ въ состояніи, не вступая въ бой, окружить насъ городками, подобно тому какъ было подъ Александровскою Слободою, Троицею и Дмитровымъ, воспретить намъ всякіе способы доставать себѣ продовольствіе, и тѣмъ побѣдить насъ еще легче, не добывая оружія.

Панъ гетманъ, не преклоняясь ни на ту ни на другую сторону, предоставилъ себѣ подумать еще объ этомъ дѣлѣ, а между-тѣмъ приказалъ, на случай надобности, быть готовыми къ выступленію. Онъ твердо рѣшилъ въ умѣ своемъ — итти на встрѣчу неприятелю, но медлил объявить о томъ, пока позволяло время, для того, чтобы какой-нибудь изъвѣстникъ, — болѣе всего опасаясь онъ Московитянъ, которыхъ въ лагерь было довольно, — не предувѣдомилъ Шуйскаго и Валуева. Только за часъ до выступленія, онъ разослалъ приказы, чтобы войско въ такомъ порядкѣ, какъ было сказано въ повелѣніяхъ, данныхъ на-письмъ полковникамъ, начало выступать, не трубя и безъ барабаннаго боя; иначе, услышавъ барабаны, Валуевъ легко могъ бы догадаться о движеніи войска.

Изъ людей, стоявшихъ въ виду городка, никто не трогался съ мѣста, остерегаясь подать неприятелю даже поводъ къ домысламъ. Лагерь и наблюденіе за городкомъ были поручены ротмистру Якову Бобовскому, при которомъ оставляли семь сотъ человекъ конницы, королевскую пехоту, сколько ея было, и два полка казаковъ. За два часа до заходенія солнца, панъ гетманъ тихо выступилъ съ войскомъ въ такомъ порядкѣ, какъ бы передъ боемъ. Ночи въ это время бываютъ тамъ весьма коротки. Мы шли четыре мили цѣлую ночь, лѣсомъ. Дорога была дурная. Однако жъ, еще до разсвѣта, приблизились мы къ неприятелю, который, соображая небольшое число нашихъ войновъ, мало объ насъ

заботился, и еще меньше ожидалъ со стороны нашей такой дерзости, чтобы мы рѣшились покушаться противу столь огромной силы: онъ даже полагалъ, что мы, еще до его прибытія подѣ Царево-Займище, обратимся въ бѣгство. Понтусъ, будучи въ тотъ вечеръ у князя Дмитрія Шуйскаго на поклонѣ и для полученія денегъ, — въ этотъ день ему отдавали триста тысячъ золотыхъ, — вспомнилъ, что подѣ Вольмаромъ, когда онъ взятъ былъ въ плѣнъ съ своимъ войскомъ, панъ гетманъ далъ ему рысью шубу, — и хвалился, что теперь у него есть соболья шуба, которою онъ отдастъ гетмана, — потому что надѣялся захватить его въ плѣнъ.

И оттого-то, что Московитяне мало насъ цѣнили и не остерегались, мы застали ихъ спящихъ. Если бы все наше войско подоспѣло, мы бы ихъ разбудили не одѣтыхъ; но оно не могло выбраться изъ лѣса. Панъ гетманъ взялъ-было съ собою два фальконета, которые въ одномъ мѣстѣ такъ загородили дорогу, что войско не могло двигаться. Кромѣ того было и другое препятствіе, не дозволившее намъ сдѣлать вдругъ нападеніе на Московитянъ: понерсгъ всего поля, черезъ которое надобно было проходить къ неприятелю, были плетни, и между ними двѣ деревушки: мы должны были ожидать, пока все наше войско соберется, а между-тѣмъ дождать плетни. Деревушки находились въ самой срединѣ поля. Панъ гетманъ приказалъ зажечь, опасаясь, чтобы неприятель не занялъ ихъ своими стрѣлками, которыхъ у него было множество, и не вредилъ нашимъ людямъ изъ-за плетней. Тогда только проснулся неприятель! И Московитяне, и иностранцы ихъ солдаты, не зная, отъ чего замедлилось нападеніе, приписываютъ это великодушному образу мыслей гетмана, который, могши разбить ихъ въ постели, не захотѣлъ сражаться съ ними такимъ образомъ, и далъ имъ знакъ и время приготовиться. Но подожди-ка только во время всѣ наши отряды; не испытать бы этого великодушія.

Тѣмъ-временемъ, пока подошло остальное войско, полкъ папа Зборовскаго, шедшій впереди, выстроился къ дѣлу на правомъ крылѣ; подоспѣвшій вслѣдъ за нимъ полкъ пана Хмельницкаго старосты, Сбруся, сталъ на лѣвомъ; полкъ Казановскаго и полкъ Лудвига Вейера, надъ которыми начальствовалъ панъ Самуилъ Дупниковскій, составляли особья,

резервныя колонны праваго крыла; полкъ пана гетмана, подъ начальствомъ князя Януса Порицкаго, расположился на лѣвой сторонѣ, также особенной колонною. Сверхъ-того, нѣсколько ротъ построились, на всякой случай, въ густыя колонны, будучи готовы къ бою. Панъ гетманъ лично наблюдалъ за вѣдн. Было еще около четырехъ сотъ человекъ легко вооруженныхъ казаковъ, называемыхъ «Погребешанами,» потому что они изъ помѣстья князей Зборовскихъ «Погребницъ»: въ этой станицѣ ихъ наиболѣе. Начальствовалъ надъ ними Пясковскій. Панъ гетманъ приказалъ имъ расположиться около кустовъ, находившихся на флангѣ лѣваго крыла. Два фальконета и пѣшая гетманская рота еще не прибыли.

Когда войско заняло такимъ образомъ боевую линію, панъ гетманъ, объѣзжая ее отъ одной колонны къ другой, одушевлялъ воиновъ; говорилъ имъ, что крайность положенія требовала сразиться, что надежду должны они основывать на своемъ мужествѣ, а свое спасеніе на побѣдѣ; приказалъ ударить въ барабаны, затрубить въ трубы, и идти на непріятеля.

Московитяне также были уже готовы къ бою: иностранное войско, Шведы, которыхъ считалось десять тысячъ, пѣшихъ и конныхъ, — такъ они получали деньги, но въ самомъ дѣлѣ ихъ могло быть, около восьми тысячъ, — заняли правое крыло боевой линіи. На лѣвой сторонѣ стояла Московская рать, которой, какъ самъ князь Дмитрій Шуйскій говорить нынче, было болѣе сорока тысячъ, пѣхоты и конницы.

Между нами и непріятелемъ, какъ уже сказано, былъ длинный плетень: въ немъ находились отверзтія, такъ, что когда мы пошли противъ непріятеля, намъ надобно было проходить въ нихъ. Плетень нашъ крайне препятствовалъ, потому что Понтусъ расположилъ за нимъ свою пѣхоту, и она наносила оттуда большой вредъ нашимъ людямъ, наступающимъ и отступавшимъ черезъ эти отверзтія.

Битва была продолжительна, потому что и наши, и непріятель, особенно иностранцы, хорошо дрались. Тѣмъ изъ нашихъ, кто пошелъ на Московскія колонны, было легче, такъ какъ Московитяне не выдержали удара, и обратились въ бѣгство, а тѣ поскакали за ними въ погоню. Въ это самую

время прибыли и наши два фальконетика съ горстію отставшей пѣхоты, и они очень много помогли успѣху сраженія: пушкарни мѣтко попадали въ Нѣмцевъ, стоявшихъ у плетня, а пѣхота, хотя ея было не много, но обстрѣленная и отличившаяся во многихъ дѣлахъ, бросилась тотчасъ къ нимъ въ середину. Здѣсь, изъ орудій и ручницъ, убито нѣсколько человекъ Нѣмцевъ; они также успѣли выстрѣлить въ нашихъ, и изъ гетманскаго полка убили двухъ или трехъ солдатъ. Наконецъ, видя, что на нихъ сильно наступаютъ, Нѣмцы начали уходить къ лѣсу, бывшему не въ дальнемъ разстояніи. Французская и Англійская конницы, непрерывно другъ друга подкрѣпляя, боролись еще съ нашими на полѣ, но когда не стало Нѣмцевъ у плетня для прегражденія намъ пути, нѣсколько нашихъ ротъ соединились, и ударили на эту иностранную кавалерію въ копья, — а кто еще имѣлъ, тотъ дѣйствовалъ палашемъ и кончаромъ. Иностранцы, не получая подкрѣпленія ни отъ Московитянъ, ни отъ пѣхоты, бѣжавшей отъ плетня, не могли долге держаться, и бросились уходить въ свой лагерь. Наши вторглись туда на плечахъ ихъ, поражая, рубя и прогоняя ихъ черезъ собственный ихъ станъ. Поптусъ и Горнстейнъ бѣжали въ это время. Оставалось еще до трехъ тысячъ, можетъ и болѣе, иностранцевъ вбоку, около лѣса. Панъ гетманъ обдумывалъ средства, какъ бы ихъ выжить отсюда; но они сами, не имѣя уже начальниковъ, и видя, что Московитяне разсыпались, что только малая ихъ часть держится еще у обоза князя Дмитрія, въ деревушкѣ, окруженной рогатками, гдѣ и самъ онъ находился, возымѣли желаніе подумать о своей безопасности, и прислали къ пану гетману просить о переговорахъ. Гетманъ, чувствуя, что дѣло еще крайне затруднительно, и что ихъ не легко будетъ отразить отъ лѣса, согласился. Кончилось тѣмъ, что эти иностранцы сдались добровольно: многіе изъ нихъ обѣщали поступить на жалованье его королевскаго величества, и всѣ вообще поклялись поданіемъ руки черезъ главнѣйшихъ капитановъ, а потомъ и письменно подтвердили, что никогда въ Московскомъ государствѣ не будутъ служить противъ его величества. Панъ гетманъ общался имъ, съ своей стороны, неприкосновенность лицъ и иму-

щества, и тамъ изъ нихъ, кто не пожелаетъ вступить въ службу, испросить у короля позволеніе свободно возвратиться на родину.

Пока происходили эти переговоры, князь Андрей Голыцынъ и князь Данило Мышецкій, ушедшіе съ поля битвы въ лѣса, успѣли, съ нѣсколькими сотнями всадниковъ избѣгнувъ нашей встрѣчи, возвратиться окольными дорогами къ окруженной рогатками деревушкѣ, гдѣ какъ прежде сказано, еще находился самъ князь Дмитрій. Понтусъ и Горнштейнъ тоже возвратились съ ними; и конечно Понтусу весьма хотѣлось уничтожить условія, заключенныя дружиною, но солдаты крѣпко ихъ держались. Князь Дмитрій и князь Голыцынъ, видя,—такъ какъ это происходило въ виду ихъ,—что иностранные солдаты пересылаются съ паномъ гетманомъ, начали, позади деревушки, черезъ свой лагерь, бывшій за нею, торопливо уходить къ лѣсу, рассыпавъ между обозами, такъ, чтобы можно было выдѣть свои драгоценнѣйшія вещи,—кубки, серебряныя чарки, одежды, соболы. Наши бросились въ погоню, но немногіе преслѣдовали: прочіе принялись грабить раскиданныя по лагерю вещи. Московитяне сдѣлали это съ умысломъ, чтобъ замедлить преслѣдованіе. Когда мы шли противъ непріятеля, у насъ были только двѣ маленькія пушки и карета пана гетмана: возвращаясь назадъ, въ Царево-Займище, мы тащили съ собою повозокъ, телегъ, чуть не больше чѣмъ было насъ самихъ. Какъ Московскія повозки стояли запряженныя, то наши, наполнивъ ихъ награбленными добромъ, безъ труда повели съ собою; но въ извѣтномъ уже дурномъ лѣсѣ завязло ихъ цѣлая пропасть, и такъ, что конница не знала, какъ мимо ихъ пробраться, когда панъ гетманъ, опасаясь, чтобы въ отсутствіе его изъ Царева-Займища, не случилась бѣда отъ Валуева, поспѣшалъ обратно въ лагерь,—куда въ тотъ же день онъ и прибылъ.

Князь Дмитрій, хотя и немногіе его преслѣдовали, уходилъ славно: онъ потерялъ лошадь, на которой сидѣлъ, и обувь свою, въ болотѣ, и на дурной крестьянской клячкѣ прокатился подъ Мбжайскъ, въ монастырь. Здѣсь досталъ онъ другую лошадь и обувь, и пустился въ Москву, при-

казавъ явившимся къ нему Можайскимъ жителямъ, просить у побѣдителя милости и милосердія, потому что нѣтъ средствъ къ защитѣ. Можайскіе жители такъ и сдѣлали: они отпра- вили къ пану гетману депутацію съ изъявленіемъ покорно- сти, отъ имени своего и нѣсколькихъ другихъ замковъ, Борисова, Верей, Рузы.

Битва при Клушинѣ происходила 4 іюля. Иностранцевъ погибло въ ней до тысячи двухъ сотъ человекъ; Московитинъ, болѣе всего при преслѣдованіи въ разныхъ мѣстахъ. Мы тоже претерпѣли потерю: убиты — панъ ротмистръ Ланцкоронскій, и болѣе ста человекъ «товарищей», кромѣ школьниковъ; строевыхъ лошадей, за исключеніемъ вылечен- ныхъ, выбыло изъ фронта болѣе четырехъ сотъ.

Валуевъ совершенно ничего не зналъ, о движеніи пана гетмана и о возвращеніи его, до тѣхъ поръ, пока наша пѣ- хота не начала кричать ночью изъ шапцевъ, и рассказывать послѣдствій сраженія. Московитяне не хотѣли вѣрить, пока панъ гетманъ, на другой день, не велѣлъ показать имъ зна- менъ и плѣнныхъ, и не предложилъ Валуеву, если онъ еще сомнѣвается, послать на мѣсто, гдѣ происходила битва, что Валуевъ и исполнилъ.

Между-тѣмъ на другое утро пришли оставшіеся при сво- ихъ знаменахъ иностранные солдаты: многіе изъ нихъ поухо- дили было въ лѣса; не зная что случилось съ ихъ товари- щами, долго скрывались они по разнымъ мѣстамъ, и уже потомъ собрались къ своимъ по нѣскольку человекъ и по нѣ- сколько десятковъ.

Понтусъ и Гористейнъ оба были въ душѣ убѣждены, что они сдѣлали въ Швеціи измѣну противъ его величества короля*; боясь наказанія, они подговорили сто съ чѣмъ-то человекъ, и ушли съ ними въ Великій-Новгородъ; по при

* То есть, противъ Сигисмунда. Известно, что Сигисмундъ III былъ прежде королемъ Шведскимъ, и что онъ никогда не признавалъ этого титула за герцогомъ Судерманландскимъ, Карломъ, который во время пребыванія его въ Польшѣ, овладѣвъ его наследственнымъ престоломъ. Какъ Сигисмундъ считалъ одного себя законнымъ королемъ Швеціи, — и дѣйствительно, онъ былъ законный король, — то тѣ изъ прежнихъ его подданныхъ, которые пристаи къ его сопернику, были, въ глазахъ его, измѣнники.

этомъ случатъ были совершенно ограблены своими солдатами, которые, по отъѣздѣ пана гетмана, за то, что они задержали ихъ жалованье, бросились на нихъ, чуть-чуть не лишили ихъ жизни и обобрали кругомъ.

Валуевъ, увидѣвъ иностранныхъ солдатъ, которыхъ онъ хорошо зналъ, потому что съ ними добывалъ отъ нашихъ Осипово и другіе замки, — Валуевъ сталъ просить о переговорахъ. Панъ гетманъ находилъ небезопаснымъ продолжать противъ него наступательныя дѣйствія, потому что, какъ мы впоследствии увидѣли при личномъ осмотрѣ, укрѣпленія, которыми Московитяне обезпечили себя, были такъ прочны, что если бы пришлось, по совѣту нѣкоторыхъ, брать ихъ силою, это стоило бы намъ значительной потери; а голодомъ морить — пошло бы на долго, такъ какъ Московскій народъ, — въ этомъ никто съ нимъ не сравнится! — можетъ питаться чѣмъ ни попаало. Съ другой стороны, панъ гетманъ, для двухъ важныхъ причинъ, о которыхъ упомянемъ ниже, желалъ итти скорѣе на столицу. По этимъ уваженіямъ, онъ рѣшился вступить съ Валуевымъ въ переговоры, тѣмъ болѣе, что Московитяне соглашались на все, что уже было соизволено отъ его королевскаго величества Салтыкову и другимъ боярамъ подѣ Смоленскомъ. На тѣхъ самыхъ условіяхъ и панъ гетманъ заключилъ съ ними договоръ: они присягнули на подданство и вѣрность королевичу Владиславу, присоединились тотчасъ къ нашему войску, и вели себя довольно вѣрно и усердно, хотя Василій Шуйскій управлялъ еще дѣлами. Сносаясь съ своими, они доставляли пану гетману извѣстія изъ Москвы весьма часто; письма въ столицу къ нѣкоторымъ особамъ отъ гетмана и прокламаціи о низверженіи Шуйскаго, переносили они же.

По причинѣ большаго числа раненыхъ, для помѣщенія которыхъ не было мѣста, больныхъ надобно было взять съ собою и везти ихъ въ повозкахъ, потому что они не могли еще держаться на сѣдлѣ. Ихъ умирало такое множество, что даже было жаль пану гетману; но опасаясь потерять отъ замедленія всѣ преимущества побѣды, онъ принужденъ былъ пожертвовать несчастными и стремился, пока еще не прошелъ страхъ, дѣйствовать наступательно на Шуйскаго, чтобы не дать ему времени собраться съ силами. Если бы

позволять Шуйскому опомниться, то какъ у него было децегъ и богатства въ изобиліи, онъ могъ бы еще продолжать войну и поправить свои дѣла. Это была первая причина, для которой панъ гетманъ не хотѣлъ медлить; вторая та, что обманщикъ, называвшійся Димитріемъ, вздумалъ тоже воспользоваться выгодами нашей победы надъ Шуйскимъ.

Пришедши изъ Калуги, онъ соединился, при рѣкѣ Угрѣ, въ семи миляхъ отъ насъ съ нашими земляками, оставшимися подъ начальствомъ пана Смигги; далъ имъ по четыре съ половиною золотыхъ на лошадь, и выступилъ, черезъ Медынь, на Борисовъ, который въ то время не былъ занятъ гарнизономъ, въ Пафнутьевъ Монастырь, обнесенный невысокою каменною стѣною. Изъ окрестныхъ мѣстъ собралось туда столько крестьянъ, для защиты правъ Шуйскаго, что не было возможности всемъ помѣститься въ мнѣнасырѣ, и множество ихъ расположилось за рогатками. Наши господа, находившіеся съ обманщикомъ, увидѣвъ это, бросились на нихъ въ атаку. Чернь начала уходить въ монастырь, и столпилась въ немъ до такой степени, что нельзя было запереть воротъ. Наши Поляки ворвались въ монастырь, убили въ церкви князя Волконскаго, тамошняго воеводу, назначеннаго Шуйскимъ, перерезали монаховъ и чернь, а монастырь и церковь разграбили; послѣ чего, обманщикъ пошелъ оттолкъ къ Серпухову. Замокъ этотъ лежитъ при рѣкѣ Окѣ, и былъ занятъ гарнизономъ Шуйскихъ; но самозванецъ обманулъ его, сказавъ, будто панъ гетманъ ведетъ войну за него; и гарнизонъ, который не довѣрялъ своимъ силамъ и опасался, чтобы и съ ними не случилось того, что въ Пафнутьевомъ Монастырѣ, поддакъ плуту. Отъ Серпухова обманщикъ направился къ Москвѣ. Тамъ же, близъ Серпухова, около трехъ тысячъ Татаръ неожиданно напали на его лагерь, и привели его въ ужасный отрясъ; но, какъ скоро наши господа свли на коней, Татары, вплавъ чрезъ Оку, увернулись въ свой кошъ. Шуйскій, у котораго ни въ какихъ средствахъ не было недостатка, призвалъ-было этихъ Татаръ къ себѣ на помощь, пожаловавъ имъ хорошіе подарки. Прибыли два знатные Татарскіе мурзы, Батыръ-Би и Кантемиръ-Мирза. Они привели съ собою до пятнадцати тысячъ человекъ; но узнавъ

отъ пльннхъ тотчасъ послѣ Клушинской битвы, что она проиграна, не хотѣли перейти съ кошемъ на другую сторону. Шуйскій, имѣя въ нихъ надобность, весьма просидѣлъ ихъ объ этомъ, но они переправили только до четырехъ тысячъ человекъ сводочи. Свѣдавъ теперь черезъ пльннхъ, схваченныхъ у самозванца, что панъ гетманъ съ лучшими, отборными людьми намѣренъ на нихъ двинуться, и сверхъ-того отяжелѣвъ отъ большаго количества награбленной добычи, они стремглавъ пустились назадъ тою же дорогою, по которой пришли, а обманщикъ потянулся отсель прямо къ столицѣ, гдѣ онъ надѣялся, при общемъ замѣшательствѣ поправить свои собственные дѣла.

Панъ гетманъ, какъ уже сказано, не дремалъ въ дѣлахъ, касающихся до пользы короля и республики. Лишь-только заключилъ условія съ Московскими людьми, онъ отправилъ съ своими посланцами къ его величеству подъ Смоленскъ воеводу князя Елецкаго, который знаменитостью породы превосходилъ Валуева, тогда какъ послѣдній, несравненно превосходилъ его мужествомъ, опытностью, и благоразуміемъ. По этой-то причинѣ панъ гетманъ удержалъ Валуева при себѣ, и впоследствии онъ испыталъ, со стороны его довольно вѣрности и усердія. Изъ иностранцевъ солдатъ гетманъ выбралъ для себя около трехъ тысячъ, а прочихъ, нежелавшихъ служить, отпустилъ домой, выславъ ихъ подъ Смоленскъ и давъ имъ пристава и рекомендательныя письма къ его величеству, съ просьбою о дозволеніи имъ свободнаго проѣзда черезъ владѣнія республики. Вслѣдъ за тѣмъ онъ двинулся къ столицѣ. Каждый день получались отсюда извѣстія о большой грозѣ, которая тамъ собиралась. Наконецъ прибѣжалъ гонецъ съ уведомленіемъ, что Шуйскій низведенъ съ престола, и отправленъ въ свой боярскій домъ, а оттуда въ Чудовъ монастырь, гдѣ его постригли въ монахи. Подобное низведеніе такого монарха, царствовавшаго притомъ самовластно, дѣло по истинѣ необычайное: потому, я коротко упомяну, какъ оно происходило.

Панъ гетманъ переслалъ въ Москву множество тайныхъ писемъ и прокламацій, и чтобы поселить въ народѣ ненависть къ Шуйскому, указывалъ, что со времени его во-

царенія, все въ Московскомъ государствѣ идетъ дурно, и что черезъ него, для него, непрерывно льется кровь христіанская. Эти прокламаціи были разбрасываемы по улицамъ. Въ частныхъ письмахъ гетманъ дѣлалъ нѣкоторымъ лицамъ разныя обѣщанія. Такимъ образомъ, особенно при свѣжемъ тогда ужасѣ Клушинскаго дѣла, и отъ опасенія новой, осады города, послѣ той, которую онъ недавно вынесъ отъ самозванца, умы на Москвѣ взволновались. Когда почувствовалъ это и самъ Шуйскій, который прежде не хотѣлъ допустить къ себѣ на глаза гонца отъ его величества, онъ сталъ помышлять о томъ, какъ бы отправить своего къ пану гетману. Позвавъ къ себѣ Слонскаго, одного изъ Поляковъ, находившихся въ службѣ папа воеводы Сандомирскаго, который былъ тамъ въ заключеніи, онъ спрашивалъ его, не пожелаетъ ли онъ отправиться нарочнымъ къ пану гетману. Слонскій охотно согласился. Тутъ онъ сталъ еще спрашивать, не лучше ли будетъ подождать немного, чтобы панъ гетманъ напередъ прислалъ къ нему своего гонца. И когда онъ такимъ образомъ колебался въ отправленіи Слонскаго, вдругъ, — то было 22 іюня, — вошли къ нему съ шумомъ дворяне, которыхъ было тамъ нѣсколько тысячъ. Первый вышелъ изъ толпы нѣкто Захарій Ляпуновъ, и началъ дерзко говорить ему: «Долго ли для тебя еще будетъ проливаться кровь христіанская? Земля опустошена; въ твое царствованіе еще ни чего добраго не сдѣвалось въ государствѣ. Сжался надъ нашимъ несчастіемъ, положи свой посохъ (то есть, скипетръ); мы подумаемъ о себѣ другимъ образомъ.» Горьки были эти слова для Шуйскаго. Онъ началъ ужасно бранить Ляпунова. «Ты ли мнѣ смѣешь говорить это,» вскричалъ онъ, «когда мнѣ не говорить этого бояре?» (то есть, сенаторы). Онъ схватилъ большой ножъ, который Московитяне посятъ обыкновенно при себѣ, и бросился на Ляпунова. Тотъ былъ человекъ здоровый, сильный и отважный; онъ закричалъ на Шуйскаго громкимъ голосомъ: «Не приступай ко мнѣ! А то, какъ возьму тебя въ руки, уничтожу.» Въ это время отозвались и дворяне, пришедшіе съ Ляпуновымъ, особенно нѣкто Хомутовъ и Иванъ Никитичъ Салтыковъ; произвели шумъ, гвалъ, суматоху; потомъ заревѣли—

— «Пойдемъ! пойдемъ!» и вышли изъ покоя прямо на Лобное Мѣсто. Это мѣсто находится на площади въ Китай-Городѣ; оно составляетъ, между каменными лавками, прекрасно отстроеными Борисомъ тамъ же въ Китай-Городѣ, и каменною стѣною Крымъ-Города, небольшую площадь съ каменнымъ возвышеніемъ, выведеннымъ локтей на десять: оттуда обыкновенно, государь, когда случается надобность, говорятъ рѣчь къ простому народу. Дворяне пришедъ туда, послали за патриархомъ и за думными боярами. Но какъ въ этомъ мѣстѣ столпилось столько народа, что не было возможности помѣститься, Липуновъ, Хомутовъ и Салтыковъ предложили выйти въ поле за городъ. Прибывъ на мѣсто, передъ городскія ворота, они отрѣшили Шуйскаго отъ престола, и потомъ, послали ему сказать, чтобы онъ убирался изъ дворца въ свой собственный домъ. Когда Шуйскій перешелъ подъ свою кровлю, къ нему и къ его братьямъ, князю Дмитрію и князю Ивану, приставили стражей; сундуки и кладовыя ихъ опечатали.

Носилась молва, что это произошло по крамоламъ Голицыныхъ, которыхъ всѣ эти лица были кліенты, такъ какъ, по сверженіи Шуйскаго, одинъ изъ старшихъ Голицыныхъ, князь Василій, по причинѣ знатности своего рода, личнаго благородства, смѣлности ума и значенія, которымъ пользовался, откровенно питалъ сладкую надежду быть государемъ, хотя находилъ сильное противудѣйствіе со стороны князя Мстиславскаго, весьма къ нему нерасположеннаго. Князь Мстиславскій, отлчнѣйшій человекъ этого времени въ Москвѣ, — честный, добродѣтельный и весьма умѣренный, хотя, по его знаменитости, путь къ престолу былъ открытъ ему преимущественно передъ всѣми, не былъ честолюбивъ, и объявлялъ публично, что какъ самъ онъ не желаетъ быть царемъ, такъ и не хочетъ видѣть государемъ ни кого изъ своей *браты*, — разумѣя здѣсь Голицына, — а предпочитаетъ лучше избрать на царство кого-нибудь изъ вѣщеноснаго племени. Онъ понималъ подъ этимъ королевича Владислава, къ коему весьма былъ расположенъ. Хотя Шуйскій, перѣхавъ въ свой домъ, былъ подъ стражею, однако жъ онъ пѣвелъ сношеніе съ людьми, которыхъ

считать преданными себѣ и своей фамили. Онъ покупался подкупить деньгами стрѣльцовъ, — а тамъ вся сила заключалась въ стрѣльцахъ, потому что ихъ до восьми тысячъ. Вообще Шуйскій опустывалъ все средства, чтобы подкрѣпить себя противъ враждебной факціи; но какъ скоро болре объ этомъ узнали, они отправили къ нему того же Захарія Ляпунова. Ляпуновъ имѣлъ съ собою чернеца изъ Чудова монастыря, и крытыя сани: женщины, особенно знатнѣйшія, ежели выезжаютъ тамъ въ городъ, такъ развѣ въ саняхъ. Чернецъ спросилъ Шуйскаго, хочетъ ли быть монахомъ. Шуйскій отвѣчалъ, что не имѣетъ ни какого призванія. Но это ни къ чему не послужило: Ляпуновъ и нѣсколько другихъ крѣпко держали его руками, а чернецу приказали постригать; потомъ, посадивъ въ сани, отвезли въ монастырь, — и тамъ уже держали его взаперти.

Панъ гетманъ, получивъ извѣстіе о низверженіи Царя Василія, и приметивъ въ обманщикѣ намѣреніе воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, спѣшилъ къ Москвѣ, и между тѣмъ писалъ къ думнымъ боярамъ, — хваля ихъ за отрѣшеніе Шуйскаго и давая знать о приближеніи самозванца къ столицѣ, что, имѣя повеленіе отъ его величества, онъ желаетъ подать имъ помощь противъ обманщика и защитить ихъ отъ всякой опасности. Гетманъ нѣсколько разъ повторялъ, что его величество, движимый однимъ христіанскимъ состраданіемъ, услышавъ о замѣшательствахъ, происходящихъ въ этой землѣ, пришелъ единственно для того, чтобы прекратить пролитіе крови и успокоить государство. Гетманъ былъ только въ восьми миляхъ отъ столицы, когда ему на это письмо принесли отвѣтъ, въ которомъ было сказано, что помощи его не требуютъ, и просятъ, чтобы онъ къ столицѣ не приближался. Не заботясь объ этомъ, онъ продолжалъ свой путь.

Августа 3, гетманъ сталъ подъ Москвою, куда того же дня прибылъ и обманщикъ съ своими. Стремясь къ городу по Коломенской и Серпуховской дорогамъ, самозванецъ зажегъ ближайшія слободы и селенія. Московитяне вышли противъ него, и хотя, не вступая въ правильное сраженіе, производили только вѣздниками отдѣльныя стычки, однако съ лошадей летало ихъ не мало.

Видя, что съ одной стороны, отъ Серпухова, напярѣтъ самозванецъ, а съ другой, отъ Можайска, наступаютъ наши войско; думные бояре послали къ пану гетману двухъ боярскихъ дѣтей спросить, идетъ ли онъ какъ врагъ или какъ пріятель. Имъ отвѣчали такъ же, какъ было писано въ письмѣ гетмана, — что онъ не думаетъ начинать ничего непріязненнаго, и что, напротивъ, готовъ помогать имъ противъ обманщика, если въ Москвѣ умы клонятся къ тому, чтобы, какъ нѣкоторые его уведомили, избрать въ свои государя королевича Владислава. Одарявъ и угостивъ посланцевъ, гетманъ отпустилъ ихъ въ Москву.

Того же дня изъ войска обманщика, отъ пана Сапѣги и другихъ нашихъ соотечественниковъ, прибыли послы, — Яниковскій съ нѣсколькими товарищами (кавалеристами). Они говорили, что посланы отъ товарищества къ королю, и просили у пана гетмана свободного пропуска къ его величеству. Они показали гетману статьи своего посольства. Эти статьи, между-прочимъ, заключали въ себѣ, что царя Дмитрія, — такъ они его называли, — Государя своего и Повелителя, довели они убѣжденіями до того, что онъ готовъ ударить челомъ его королевскому величеству, ежегодно платить ему известную сумму денегъ, и уступить Сѣверскую Землю, ежели только его милость король поможетъ ему вступить на прародительскій престолъ. Послы говорили также, что Дмитрій хочетъ отправить посольство съ подарками къ пану гетману, ища его благосклонности и пріязни.

Хотя панъ гетманъ видѣлъ, что это посольство къ королю повело ни къ чему основательному, однако, для важныхъ причинъ, позволялъ посламъ свободный протѣзъ, и далъ имъ приставовъ для сопровожденія; но вмѣстѣ объявилъ, что подарковъ отъ нихъ «Повелителя» не приметъ: повелитель ихъ имѣлъ довольно времени для того, чтобы прежде сослаться съ его королевскимъ величествомъ, если бы захотѣлъ этого; въ такомъ случаѣ вѣроятно было бы дано ему, какъ гетману, отъ короля наставленіе; но теперь онъ ни какого наставленія не имѣетъ, и потому не можетъ вступить ни въ какія сношенія съ ихъ повелителемъ.

Думные бояре назначили день для переговоров съ паномъ гетманомъ. Разбили Московскій наметь противъ Дввицького Монастыря, и, давъ съ обѣихъ сторонъ залогн, наконецъ съѣхались въ одинаковомъ числѣ людей. Сперва поклонились еще на лошадахъ; потомъ поздоровались сойдя съ сѣдла. Съ паномъ гетманомъ были нѣкоторые полковники и ротмистры, а изъ столицы прѣехали — самъ князь Ѳеодоръ Мстиславскій, князь Василій Голицынъ, Ѳеодоръ Шереметевъ, князь Данило Мышецкій и два думные дьяка, — нѣчто въ родѣ того какъ у насъ хранители печати, — Василій Теленевъ и Томило Лаговскій. Всѣ они были уполномочены къ окончательному заключенію условій, и это имъ поручалось отъ всѣхъ чиновъ, — по нашему штатовъ. Засвѣвъ въ наметь, Московскіе посланники объявили именовъ всего государства, что желаютъ себѣ государемъ королевича Владислава; но требовали, чтобы панъ гетманъ утвердилъ присягою, что королевичъ будетъ исполнять нѣкоторыя статьи, — по нашему артикулы. Это былъ большой свитокъ, — потому что они свертываютъ бумаги такимъ образомъ, въ трубки: его читалъ Василій Теленевъ.

Панъ Гетманъ, какъ мнѣ извѣстно, тотчасъ послѣ Клушинской битвы, надвѣясь, что дѣло скоро дойдетъ до трактата, писалъ къ его величеству, чтобы къ нему прислали кого-нибудь изъ сенаторовъ или другихъ особъ, способныхъ для переговоровъ, такъ какъ самъ онъ не получалъ ни какаго наставленія на подобный случай. Можетъ-быть, заболѣзнію, которою король страдалъ въ то время, а можетъ, по другимъ причинамъ, — только гетману не дано ни какаго рѣшенія, а между-тѣмъ настали дѣла нужныя, перепящія отсрочки, потому что и Русскимъ надобно было подумать о своемъ спасеніи безъ отлагательства. Обманщикъ, который также находился подъ столицею, пользуясь расположеніемъ большой части Московской черни, старался о себѣ, и употреблялъ разные происки. Патріархъ предлагалъ въ Цари двоиныхъ, и настаивалъ, чтобы изъ двухъ избрали любого, — или князя Василія Голицына или Никитича Романова сына, Ростовскаго митрополита, юношу, лѣтъ можетъ-быть пятнадцати. Этотъ юноша имѣлъ тѣ права, что Ростовскій митрополитъ былъ двоюродный братъ Царю Ѳеодору, по-

тому что Ѳеодоръ родился отъ Царя Іоанна Мучителя, и родной сестры Никиты Романовича, котораго сынъ былъ Ростовскій митрополитъ. За мнѣніемъ патріарха была чернь, но духовенство, почти все склонялось на сторону Голшцыпа.

Панъ гетманъ опасался, чтобы выборъ не палъ на котораго-нибудь изъ двухъ кандидатовъ и не причинилъ новыхъ затрудненій, а болѣе всего онъ обращалъ вниманіе на то, что не было денегъ для окончанія войны оружіемъ, и потому, хотя не имѣлъ инструкціи отъ его величества, рѣшился однакожь объявить, что будетъ договариваться съ ними объ условіяхъ и утвердить ихъ крестнымъ цѣлованіемъ, по содержанію статей, которыя поданы королю Салтыковымъ и другими боярами подъ Смоленскомъ, и по которымъ заключены съ сенаторами условія, утвержденныя подписью королевской руки и государственною печатью. На прочія статьи, о которыхъ ни Салтыковъ, ни кто другой не упоминалъ передъ королемъ, и по которымъ слѣдственно онъ не имѣетъ предписанія, ему никакъ не приходится изъяснять согласія: пусть лучше сами бояре договариваются объ нихъ съ королемъ. Дѣло шло о пріятіи Русской вѣры королевичемъ и о многихъ другихъ несовмѣстностяхъ. Такимъ образомъ, не оскорбляя Московитянъ отказомъ, панъ гетманъ отсылалъ ихъ къ его величеству. Впрочемъ, въ первомъ засѣданіи, не пришлось даже много разсуждать объ этомъ: самозванецъ, почти во время самыхъ переговоровъ, подступилъ къ столицѣ, и завязалась битва. Къ князю Мстиславскому безпрерывно присылали съ извѣстіями о происходившемъ. Бояре торопились, чтобы подать своимъ совѣтъ и помощь. Панъ гетманъ весьма былъ радъ, что переговоры были отложены, чтобы и самому имѣть время лучше обдумать дѣло. Онъ надѣялся получить между-тѣмъ отъ его величества наставленіе; для этого, онъ и въ послѣдствіи, сколько могъ старался проволочить рѣшеніе условій. Но когда бояре и посольства начали настаивать, а солдаты отозвались съ разными неудовольствіями, не желая служить безъ денегъ, тутъ ужъ, панъ гетманъ, послѣ съѣзда и многая пересылокъ, съѣхался вновь 27 августа въ полѣ съ тѣми же боярами, которые и прежде были къ нему высланы. Присутствовало

при этомъ болѣе десяти тысячъ другихъ людей: они присягали на подданство королевичу Владиславу, а потомъ панъ гетманъ съ полковниками, ротмистрами и другими знатнѣйшими особами изъ войска, присягнувъ также на принятые условія, которыя уже ходятъ у людей по рукамъ, и потому не для чего здѣсь ихъ прописывать. Но всѣ тѣ «несовмѣстности» или были вымараны или отосланы на рѣшеніе его величества. Остальныя условія согласовались съ документомъ, даннымъ отъ короля боярамъ подѣ Смоленскомъ. Одна только статья была лишняя, — относительно замковъ: Московитяне упорно домогались, чтобы крѣпости, занятыя во время послѣднихъ смятеній, были имъ возвращены, за что они напередъ приняли на себя заплатить цѣлому войску все имъ выслуженное. О спорахъ, существующихъ съ давняго времени между короною, великимъ княжествомъ Литовскимъ и Московскимъ государствомъ, то есть, касательно Смоленска и Сѣверской Земли, переговоры должны были происходить съ Московскими послами на сеймъ, котораго мы вскорости ожидали.

И хотя условія такъ были заключены, что каждая сторона получала удовлетвореніе, однако жъ панъ гетманъ не удовлетвовался этимъ, опасаясь, чтобы его завистники не говорили, что онъ не соблюлъ достаточно пользы республики. За день до заключенія окончательныхъ условій, то есть, 26 августа, онъ собралъ все рыцарство, и объявивъ предстоявшимъ, чѣмъ рѣшается дѣло, просилъ ихъ объявить, желаетъ ли войско помочь ему и оставаться на службѣ его величества, хоть бы пришлось до нѣкотораго времени подождать денегъ; по тому что такимъ только постоянствомъ можно, съ Божіею помощію, принудить этотъ народъ къ выгоднѣйшимъ для республики условіямъ. Если бы войско не захотѣло оставаться въ службѣ на зиму, то, какъ до истеченія лѣтняго срока было только пять недѣль, дѣла республики пришли бы въ весьма сомнительное положеніе, — на такомъ скользкомъ грунтѣ, — гдѣ уже дѣлали угрозы составить конфедерацію! Чтобы не было гласно для Московитянъ, гетманъ просилъ рыцарство подать ему отъ каждой роты объявленіе это на письмѣ, — что ротмистры съ товариществомъ тотчасъ исполнили. Они разошлись по

своимъ палаткамъ для совѣщанія, и вскорѣ представили ему объявленія, что войско ни подъ какимъ видомъ не останется на службѣ безъ денегъ, — и тутъ всѣ знатнѣйшіе стали еще уговаривать гетмана, чтобы не вводилъ республики въ долгую войну, но кончалъ дѣло и заключалъ миръ, который и такъ можетъ быть полезный и честный. Это объявленіе войска болѣе всего стѣснило пана гетмана, такъ, что онъ, не ожидая инструкцій отъ короля, понуждаемый съ одной стороны жителями Москвы, съ другой самозванцемъ, нетерпящимъ изъ виду своихъ выгодъ, на слѣдующій же день заключилъ съ боярами условія на такихъ, какъ я сказалъ, основаніяхъ.

Спустя двое сутокъ по окончаніи этихъ сдѣлокъ, пріѣхалъ изъ подъ Смоленска Московитянинъ, нѣкто Фѣдоръ Андроновъ, и принесъ пану гетману отъ его величества письмо, въ которомъ заключалось то, чтобы гетманъ договаривался о престолѣ не для королевича, а для самого короля! Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ еще панъ Вѣлижскій староста (Госвѣскій) съ письмомъ и инструкціей отъ его величества такого же содержанія. Но дѣло было рѣшено и кончено. Панъ Гетманъ не хотѣлъ возобновлять его, являясь съ такимъ предложеніемъ. И самъ панъ Вѣлижскій староста, хотя пріѣхалъ съ этимъ наставленіемъ, не совѣтовалъ возобновлять: зная хорошо Московскія дѣла, онъ видѣлъ, что это не сбыточно; но напротивъ ему нравились заключенныя условія, и онъ былъ весьма доволенъ, что вся затѣя была приведена паномъ гетманомъ къ этому результату. Такимъ образомъ не найдено нужнымъ дѣлать новыхъ предложеній, чтобы Московитяне, у которыхъ имя его королевскаго величества было въ ненависти, не ускользнули совсѣмъ и не обратились къ самозванцу или куда-нибудь въ другую сторону.

Оставалось очистить дѣло съ самозванцемъ и съ войскомъ, которое при немъ находилось. Въ трактатѣ было постановлено, что панъ гетманъ обязанъ отвлечь отъ него пана Сапѣгу и Польскую и Литовскую дружины, поддерживающія обманщика, и, если добровольно не согласятся, принять мѣры вмѣстѣ съ Московскими боярами для разбитія и уничтоженія самозванца силою. Дѣйствуя въ духъ этого условія,

панъ гетманъ посылалъ къ Сапѣгѣ и къ этимъ дружинамъ объявить, что столица Московскаго царства учинила присягу королевичу Владиславу, и сдѣлалась на его имя; что они должны быть этимъ довольны и дѣль его величества и республики, отчизны своей, гдѣ родились, не портить; что на нихъ лежитъ обязанность того челоуѣка, самозванца, при комъ до сей поры обманутые имъ находились, или добрыми способами привести къ тому, чтобы онъ поклонился его величеству, — панъ гетманъ говорилъ, что хочетъ даже за него предстательствовать и просить короля, чтобы далъ ему Гродно или Самборъ, — или же, если онъ не согласится по доброй волѣ, выдать его, а по-крайней-мѣрѣ отъ него отступиться.

Панъ гетманъ сдѣлалъ это тѣмъ правильнѣе, что уже согласно договору, ему выданъ былъ изъ Москвы бывший Царь, князь Василій Шуйскій, съ братьями, княземъ Дмитриемъ и княземъ Иваномъ. Онъ желалъ еще отослать къ королю и этого самозванца, для того, чтобы очистить государство отъ этихъ людей, и чтобы во всякомъ случаѣ, король могъ употребить ихъ сообразно съ обстоятельствами. Панъ Сапѣга радъ бы былъ принять предложеніе гетмана, но мыслалъ дѣло съ войскомъ буйнымъ, своевольнымъ, наглымъ: оно начало давать пану гетману дерзкіе отвѣты, говоря, что не хочетъ отступить отъ Москвы и намѣрено испытать счастья противъ нея съ своимъ государемъ (этимъ-то плутомъ).

Видя, что дѣльные увѣщанія и убѣжденія не имѣли у нихъ успѣха, панъ гетманъ спеша съ думными боярами, занялъ бдительною стражею броды и другія мѣста, чтобы вѣсть о томъ не дошла къ самозванцу, и двинулся ночью къ своимъ войскамъ въ боевомъ порядкѣ. Обозъ остался на мѣстѣ. На разсвѣтъ, мы стояли, готовые къ сраженію, насупротивъ лагеря самозванца. Бояре вывели съ своей стороны изъ Москвы около пятнадцати тысячъ войска, оставивъ въ городѣ пужный гарнизонъ. Панъ гетманъ зналъ, что въ Москвѣ было много людей, расположенныхъ къ самозванцу и приказалъ не обнажать столицы; но и за оставленіемъ гарнизона, достаточнаго для столь огромнаго города, какъ Москва, вышло еще въ поле прекрасныхъ, годныхъ

къ бою войновъ до пятнадцати тысячъ. Князь Мстиславскій, съ знатнѣйшими боярами и со всеми Головами, прѣхалъ къ пану гетману, и, общая ему полное послушаніе, привѣтствовалъ его титуломъ *правителя*,— что въ Латинскомъ языкѣ называется *gubernator*

Панъ гетманъ отправилъ къ пану Сапѣгѣ коротенькое письмо, написанное имъ еще на мѣстѣ, и въ которомъ было сказано, что, не ала ихъ крови, но побужденный ихъ непочтительными отвѣтами пришелъ онъ сюда съ войскомъ, переговариваться съ ними не черезъ пословъ, но лично, объявить имъ, что сегодня же долженъ быть копецъ всему: имъ предоставляется избрать немедленно ту или другую сторону, и панъ Сапѣга съ знатнѣйшими офицерами имѣть явиться для объясненія.

Панъ Сапѣга, или лучше, его войско, увидѣвъ насупротивъ себя арміи пана гетмана и Московскую, пришло въ страхъ. Московитяне хотѣли и просили у пана гетмана позволенія, ударить на встревоженного и неготоваго къ бою непріятеля, но гетманъ не согласился. Прежде нежели записка его дошла къ Сапѣгѣ, прибѣжалъ Побѣдзинскій съ пятью ротмистрами, упрашивать его весьма покорно, чтобы онъ не приказывалъ своему войску наступать. Панъ гетманъ и не думалъ пачинать непріязненныхъ дѣйствій: онъ желалъ только, страхомъ привести непокорныхъ къ умѣреннымъ желаніямъ. Сапѣга тотчасъ самъ выѣхалъ, и, согласно требованію гетмана, обязался, и дапиемъ руки подтвердилъ, что если Государь его (самозванецъ) не согласится на то, что ему предлагаетъ гетманъ (Гродно и Сомборъ), то они долѣе при немъ не останутся. Самозванца въ то время не было въ лагерь; но находился въ двухъ миляхъ оттолъ, у жены, въ монастырѣ пазываемомъ Московитянами *Новые-гроши* (Угрѣшская Обитель). Отложили до слѣдующаго утра доставленіе отвѣта гетману, согласенъ ли самозванецъ, или нѣтъ. Но онъ и не думалъ довольствоваться этимъ,—еще менѣе его жена, жепщина честолюбивая, которая завизжала довольно нагло: «Такъ пусть же его величество король уступить царю Краковъ! Его величество царь дастъ королю за то Варшаву.»

Какъ скоро панъ гетманъ услышалъ объ этомъ, онъ согласился съ думными боярами двинуться ночью, окружить мо-

пенника въ монастырь, и стараться поймать его. Мы выступили въчасъ ночи. Намъ надобно было проходить изъ лагерьа черезъ самую Москву. Бояре, прежде нежели мы подошли,—потому что намъ до города было двѣ мили дороги,—вывели изъ него въ поле до тридцати тысячъ своего войска. Наше войско вступило въ городъ, въ замки, почти пустыя, но безъ всякаго дурнаго умысла; мы прошли городомъ такъ, что даже никто не слѣзъ съ лошади. Московитяне возымѣли большую довѣренность къ пану гетману и къ намъ за то, что мы, вошедъ съ цѣлымъ войскомъ въ ихъ столицу и имѣя въ своихъ рукахъ городъ и замки, поступили такъ правдоушно.

Походъ нашъ не былъ бы бесполезенъ, если бы одинъ измѣнникъ, Московитянинъ, не бѣжалъ изъ Москвы къ самозванцу и не предостерегъ его. Обманщикъ, получивъ черезъ него извѣстiе, что панъ гетманъ прямо идетъ на него, вскочилъ на лошадь, взвалилъ свою «Государыню», со всеми ея женщинами тоже на лошадей, и бѣжалъ изъ монастыря: съ нимъ ушелъ Заруцкiй съ нѣсколькими сотнями Донскихъ казаковъ. Они, какъ послѣ оказалось, пустились черезъ Серпуховъ къ Калугѣ, но многiе были того мнѣнiя, и самъ онъ распустилъ слухъ, что они отправились въ Коломпу. Это—замокъ хорошо вооруженный, наподобiе Смоленска, крѣпкiй, обнесенный каменною стѣною; онъ въ половину менѣе Смоленска, но построенъ въ весьма выгодномъ положенiи, у слiянiя Москвы-Рѣвки съ Окою. Неизвѣстность, куда обманщикъ обратился, ночь и то, что онъ имѣлъ шесть часовъ впереди, были причиною, что войско не пошло за нимъ въ погоню.

Такъ, панъ гетманъ возвратился въ лагерь, а бояре въ Москву.

На другой день бояре и всѣ знатнѣйшiе Московитяне, находившiеся въ рати самозванца,—было ихъ не мало,—привѣхали къ гетману, отдаваясь подъ его покровительство. Они пожелали, такъ же какъ жители столицы, присягнуть на вѣрность королевича Владислава, и украсивали только того, чтобы ихъ оставили при боярскомъ (то есть, сенаторскомъ) званiи, какъ они были при самозванцѣ: они знали, что столпчiе бояре не соглашались на это. Панъ гетманъ при-

нялъ ихъ ласково; приказалъ отобрать отъ нихъ присягу на вѣрность королевичу Владиславу, а о примиреніи ихъ съ столичными боярами обѣщалъ имъ свое предстательство. И въ самомъ дѣлѣ, онъ уговаривалъ столичныхъ бояръ, чтобы они, простивъ ихъ за прошедшее несчастное время, приняли по-братски. Онъ показывалъ, какая польза можетъ произойти отъ этого: и другіе бояре, которые еще держатся въ замкахъ за самозванца, услышавъ, что прочихъ мы принимаемъ кротко и ласково, стануť присоединяться къ намъ съ замками,—а этимъ ускорится паденіе обманщика; напротивъ, если мы обойдемся съ тѣми сурово, если примемъ ихъ съ неуваженіемъ, то надобно опасаться, что раздраженные, они снова обратятся къ плуту, и еще болѣе привяжутъ къ нему тѣхъ, которые теперь при немъ находятся. Но столичные бояре были очень озлоблены противъ этихъ новыхъ вельможъ, и ни коимъ образомъ не соглашались, чтобы тѣ, которые, какъ они говорили, сдѣлались боярами при ворѣ, могли быть имъ равны; они хотѣли принять ихъ какъ заблудшихся братьевъ, но боярства, сенаторскихъ званій, пожалованныхъ имъ самозванцемъ, не признавали. Новые бояре не были этимъ довольны, и нѣкоторые изъ нихъ бѣжали опять къ обманщику.

Замки однако всѣ почти, какъ скоро услышали, что въ Москвѣ присягнули королевичу, давали ему по нѣсколько вдругъ такую же присягу какъ въ столицѣ: Новгородъ-Великій, Czeganda (Чердынъ?), Ustinga (Устюжна?), Переяславль Рязанскій, Ярославль, Вологда, Бѣлозерскъ, Siliskie Zamki (?) и весь трактъ къ Архангельскому Порту и Ледовитому Морю также; вся Рязанская земля, до самаго Нижняго-Новгорода, лежащаго у слиянія Оки и Волги; замки, державшіеся обманщика,—Коломна, Тула, Серпуховъ, и всѣ прочіе, исключая Пскова, который еще колебался, и нѣкоторыхъ Сѣверскихъ замковъ, чтившихъ еще имя мнимаго Дмитрія, и крѣпко пострадавшихъ за то отъ Запорожскихъ казаковъ. Изъ Казани и Астрахани, за отдаленностью, не было еще извѣстія, какъ тамъ довольны этимъ происшествіемъ. Но во всѣхъ ближайшихъ сторонахъ, которыя здѣсь исчислены, въ Великихъ Лукахъ, въ Торопцѣ и другихъ городахъ,

жители весьма радовались, что, какъ сами они говорили, «Господь Богъ далъ имъ на царство королевича Владислава.»

Всѣ плѣнные, содержавшіеся по разнымъ замкамъ въ тяжелой неволѣ, освобождены: ихъ было въ Москвѣ до двухъ тысячъ пяти сотъ человекъ, съ тѣми, которымъ дана свобода. Многіе изъ нихъ принадлежали къ благороднымъ фамиліямъ. Однихъ отправляли въ столицу, а другихъ куда ближе. Изъ Великаго-Новгорода, Чердыня и другихъ мѣстъ они были отосланы подъ Смоленскъ.

Когда пану гетману пришлось заключать съ боярами условія о дальнѣйшихъ дѣлахъ, онъ клонилъ ихъ къ тому, чтобы они поскорѣе отправили пословъ къ его величеству. И такъ какъ особы, имѣвшія надежды на престолъ (Никитичъ Романовъ, юный сынъ Ростовскаго митрополита, и князь Василій Голицынъ), были подозрительны и заставляли опасаться чтобы народное расположеніе, которымъ они недавно пользовались, опять къ нимъ не обратилось по какому-нибудь случаю, панъ гетманъ старался и уговаривалъ Голицына принять на себя это посольство, увѣряя его, что великія дѣла творятся только такими великими людьми, какъ онъ. Гетманъ удостовѣрялъ его, что занимая въ посольствѣ первое мѣсто, онъ первый будетъ имѣть доступъ къ милостямъ короля и королевича. Это нравилось Голицыну, и онъ принялъ на себя посольство. Никитичъ Романовъ былъ слишкомъ молодъ, и его трудно было присоединить къ посольству, но панъ гетманъ, чтобы имѣть залогъ въ его отцѣ, постарался, чтобы духовенство избрало отца посломъ отъ своего сословія. Панъ гетманъ представлялъ, что для такого случая надобно прискаты не только сановника, но человека знатнаго и знаменитаго, *честнаго* (по-нашему *заспего*, почтеннаго), — и тѣмъ самымъ указывалъ какъ-будто пальцемъ на Ростовскаго митрополита Филарета. И дѣйствительно, и знаменитостью рода никто изъ духовныхъ не былъ ему равенъ, и, по своему сану, считался онъ вторымъ между Русскими митрополитами.

Когда эти два лица были объявлены начальниками посольства, назначили и другихъ его членовъ, которыхъ Голицынъ, почти избралъ всѣхъ по своему вкусу, чтобы всегда имѣть перевѣсъ на своей сторонѣ. Наконецъ послы, съ боль-

шою свитою, взявъ съ собою до четырехъ тысячъ человекъ, отправились въ путь къ Смоленску. Панъ гетманъ назначилъ къ нимъ приставомъ пана Тлумацкаго старосту, Николая Гербурта, съ которымъ отправилъ и заключенныя съ боярами условія, за ихъ печатями и подписями. Гербуртъ провѣлъ пословъ къ королю благополучно, но самъ, молодой человекъ, достойный жить долѣе, заболѣвъ дорогою и, прѣхавъ подъ Смоленскъ, умеръ.

Его величество принялъ пословъ благосклонно. На встрѣчу имъ вышло почти все войско. Въ полѣ привѣтствоваль ихъ Каменецкій кастелянъ, панъ Яковъ Потоцкій, съ княземъ Христофоромъ Збарскимъ. Пословъ помѣстили противъ стана, на другой сторонѣ Дибра, подъ Троицкимъ Монастыремъ, и снабдили большимъ запасомъ живности; а какъ Московитянь при посольствѣ было большое число, — четыре тысячи, — то его величество назначилъ къ нимъ трехъ приставовъ, пана Януса Скумина-Тышкѣвича, старосту Брацлавскаго; пана Яна Кохановскаго, егермейстера, и пана Войтхва Мясковскаго, своего камеръ-юнкера: послѣднему овъ далъ еще сто человекъ пѣхоты, и приказалъ расположить-ся съ ними на другой сторонѣ Дибра.

Пану гетману оставалось еще въ столицѣ два предмета.

Онъ обдумывалъ, какимъ образомъ занять своимъ войскомъ, съ безопасностью, столицу, потому что нѣкоторые, — какъ и не могло быть иначе, — особенно тѣ, кто мечталъ о самозванцѣ и былъ къ нему расположенъ, распускали неприязненные слухи. Онъ опасался отдалять свое войско отъ столицы: Московская чернь, весьма склонная къ мятежу, могла бы возмутиться, призвать самозванца, и все опять повергнуть въ замѣшательство. Онъ вывѣдалъ отъ предумотрительнѣйшихъ бояръ, что и они того же опасаются. Былъ недавній примѣръ, когда князь Василій Шуйскій вступилъ на престолъ Московскаго царства и послалъ во Псковъ воеводу Шереметева, человека достойнаго, что Шереметевъ пробылъ тамъ уже около полугода, какъ вдругъ чернь, ни въсть съ чего, взбунтовала и убила его и его приближенныхъ. Бояре страшились подобныхъ приключеній и въ столицѣ, и желали, чтобы присутствіе войскъ его величества

могло обезпечить ихъ отъ неистовства черни. Патриарха и простой народъ, противившихся введенію войска въ столицу, склонили разными способами, и наконецъ вышло такъ, что войско вступило. Панъ гетманъ назначилъ ему, на всякій случай, удобныя мѣста, и оно расположилось по особымъ дворамъ полками, отрядами, на тотъ конецъ, чтобы при первой надобности, можно было подать другъ другу взаимную помощь. Полкъ пана Александра Зборовскаго сталъ въ Китай-городъ,—люди все вмѣстѣ или одинъ отъ другаго близко. Полкъ пана Казановскаго и пановъ Вейеровъ въ Бѣль-городѣ, также другъ отъ друга близко. Самъ панъ гетманъ съ паномъ Вѣлижскимъ старостою (Госѣвскимъ) расположились въ главномъ замкѣ въ Крымъ-городѣ, на дворѣ, принадлежавшемъ прежде Царю Борису, когда онъ еще былъ правителемъ при Царѣ Теодорѣ.

Панъ гетманъ отдалъ строгія приказанія, и самъ наблюдалъ за тѣмъ, чтобы паши не задирали Московитянъ. Онъ постановилъ судей изъ нашихъ и изъ Московитянъ, чтобы они купно разбирали все споры. И мы жили такъ тихо, что бояре и чернь которымъ извѣстно своевольство нашего народа, только дивились нашему благоправію, и были очень довольны, что мы сидѣли такъ спокойно, не дѣлая никому ни какой обиды. Вмѣстѣ съ нарочно отряженными боярами, расписали на все войско селенія, откуда кто нѣмѣлъ получать продовольствіе. Мы жили въ добромъ устройствѣ, и благополучно: намъ ни въ чемъ не было недостатку; припасы и все, что намъ было нужно, доставали по сходной цѣнѣ, потому что большія дороги отъ Вологды, Ярославля и другихъ мѣстъ, сдѣлались безопасными, а изъ Коломны, вверхъ по Москвѣ-рѣкѣ, приплыли суда съ хлѣбомъ и разными продуктами.

Другая забота была — съ дружиною пана Сапвга, которая, оставшись послѣ бѣгства самозванца, хотѣла непременно имѣть участіе во всехъ выгодахъ наравнѣ съ королевскимъ войскомъ, служившимъ подъ начальствомъ пана гетмана. Она также хотѣла жить въ столицѣ, и когда ей въ этомъ отказали, вознамѣрилась идти въ Рязань: эгерь край весьма изобилуетъ. Но мы и это ей воспретили, и погро-

звѣдъ водралиськъ нему, если она туда пойдетъ, потому что не-
тъ въ мѣстѣ нѣтъ ожиданія предвѣдомствія для нашего войска.
Кончилось тѣмъ, что панъ гетманъ далъ этой дружинѣ письменное
обязаніе ходатайствовать у короля, чтобы, какъ
онъ и прежде обещалъ, она была сравнена въ жалованьи
съ полкомъ пана Зборовскаго, съ тѣмъ однако жъ, что
не будетъ опустошать Рязани, нѣ другихъ областей, при-
лежавшихъ королевичу Владиславу, а пойдетъ въ Свѣр-
скую Землю, которая держалась еще самозванца, и приво-
дета ее къ повиновенію на имя его величества короля. Эти
господа имѣли большую нужду въ деньгахъ; у нихъ было
множество равныхъ и большихъ: такъ, снисходя на убедител-
нѣйшія просьбы, для призванія ихъ, панъ гетманъ при-
казалъ выдать на это войско изъ Московскои казны десять-
тысячъ злотыхъ, а нѣкоторымъ изъ старшихъ далъ тайно
по нѣсколькѣ сотъ злотыхъ, чтобы сбыть ихъ безъ хлопотъ,
учтывимъ образомъ, и перевести всю дружину туда, гдѣ
она была нужна. Она такъ и сдѣлала: отправилась, мимо
Калуги, въ Свѣрскую Землю; и на дорогѣ приостанови-
лась не далеко отъ Калуги, у Мосальска и Мещерска, въ
ожиданіи, пока замерзнутъ рѣки.

Въ то же время, какъ и всегда, панъ гетманъ не пере-
ставалъ дѣйствовать разными сокровенными путями. Когда
уже панъ Сапѣга выступилъ съ своимъ войскомъ, нѣкто
Валявскій, ближайшій и почти главный наушникъ самозван-
ца, былъ отправленъ къ этому человеку. Ему позволено
вѣхать къ обманщику и обнадеживать въ милости его вели-
чества, общая ходатайство со стороны гетмана; словомъ,
виушить плуту надежду и склонить его къ тому, чтобы
онъ добровольно привѣгнулъ къ милосердію короля. Но
все это было напрасно. Плутъ съ своей супругою не согла-
сидься.

По отступленіи Сапѣги отъ Москвы, панъ гетманъ еще
болѣе сталъ помышлять объ отъѣздѣ своемъ къ его вели-
честву, и потому неуспѣшно заботился и старался обо всемъ,
что только относилось къ благоустройству войска и столи-

цы. Изъ иностранной дружины, въ которой было еще до двухъ тысячъ пяти сотъ человекъ, онъ сдѣлалъ выборку, потому что, за неуплатою ей жалованья, опасался отъ нея измѣны, и какъ не откуда было взять денегъ на удовлетвореніе столь значительной издержки, то со стороны этого войска, вмѣсто помощи, могла только произойти опасность. Поэтому панъ гетманъ оставилъ только восемь сотъ человекъ иностранцевъ, а прочихъ, удовлетворивъ изъ Московской казны, отправилъ во-свояси. Московскимъ боярамъ было крайне пріятно, что выслали этихъ Нѣмцевъ, такъ какъ безчинства ихъ при Шуйскомъ были еще весьма памятны. Бояре были обрадованы, что наконецъ ихъ избавились.

Многое зависѣло отъ того, кто будетъ старшиною надъ Московскими стрѣльцами, — званіе, очень важное: это въ Москвѣ тоже, какъ у Турковъ янычарскій ага; Цари поручаютъ его только своимъ братьямъ или весьма довѣреннымъ лицамъ. Князь Иванъ Шуйскій исправлялъ его во время владычества своего брата. Званіе это, никѣмъ не занятое, его величество, по просьбѣ нѣкоторыхъ лицъ, находившихся при его особѣ, пожаловалъ Ивану Салтыкову, молодому человеку, который былъ вѣренъ и преданъ королю, и доказалъ это потерей своей жизни. Еще до полученія изъ-подъ Смоленска приказа о назначеніи Салтыкова, панъ гетманъ отправилъ его въ Новгородъ-Великій, съ тѣмъ чтобы онъ удерживалъ тамошній край и очистилъ замокъ Ладогу, занятый Шведами; Салтыковъ исполнилъ это, но вслѣдствіе бунта, когда, какъ будетъ о томъ ниже, началось въ Московской земли возмущеніе, онъ лишился жизни въ Новгородѣ, отъ черни.

Панъ гетманъ распорядился такимъ образомъ, что начальство надъ стрѣльцами, по добровольному согласію бояръ, съ которыми онъ предварительно условился, было поручено пану Вѣлижскому старостѣ (Госѣвскому). Самъ стрѣль-

* Известно, что Жолтѣвскій дѣйствительно вскорѣ увѣхалъ изъ Москвы, сдѣвъ команду Госѣвскому, или Гоясѣвскому, который не обладалъ ни его дарованіями, ни его вліяніемъ на войско. Послѣ его отъѣзда, Москва тотчасъ увидѣла разницу въ поведеніи Поляковъ.

цы охотно приняли его начальство, потому что гетманъ, сколько было возможно, всякаго рода ласками, подарками, угощеніями, привлекалъ ихъ на свою сторону, и привлекъ до того, что стрѣльцы совершенно ему предались и являлись къ нему добровольно, говоря, что, если онъ слышалъ гдѣ-нибудь объ намѣнникахъ, они желаютъ ихъ переловить. Они показывали еще много другихъ знаковъ своей вѣрности и своего расположенія, и когда панъ Вѣлижскій староста былъ назначенъ ихъ Головою, объявили, что будутъ охотно ему повиноваться.

У патриарха, чловѣка весьма стараго, который опасался переменъ въ религіи и поэтому крайне противился всемъ нашимъ предпріятіямъ, панъ гетманъ, сперва перѣсылаясь съ нимъ и заводя разныя сношенія, потомъ и лично его посѣщая, снискалъ, какъ казалось, большую пріязнь. Онъ привлекалъ его разными способами на свою сторону, такъ, что старецъ начиналъ, какъ было слышно, быть иначе къ намъ расположеннымъ. Такъ .....

(Конецъ рукописи не отыскано.)

Н. МИТКЕВИЧЪ.

=